

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

СМЕЖНЫЙ СЕКТОР

ЭКСМО

Иной разум

Андрей Ливадный

Смежный сектор

«Автор»

2005

Ливадный А. Л.

Смежный сектор / А. Л. Ливадный — «Автор», 2005 — (Иной разум)

Три цивилизации, разительно непохожие друг на друга по принципам общественного устройства, образу мышления, технологиям и эволюционному развитию, вступают в конфликт. Людей, Ксенобиан и Иных разделяет пропасть, которую кажется, невозможно одолеть, и единственным средством, способным остановить взаимоуничтожающую войну у роковой черты является Разум.

Содержание

Пролог.	5
Часть 1.	8
Глава 1.	8
Глава 2.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Ливадный

Смежный Сектор

Пролог.

Под ногами поскрипывал искрящийся на свету голубоватый снег.

Не смотря на низкую гравитацию человек шел, пошатываясь, выбиваясь из последних сил: на его плечах тяжким грузом повисло безвольное тело, облаченное в испачканный грязью, местами заляпанный кровью скафандр.

Опущенные забрала гермошлемов не позволяли рассмотреть лиц.

Шаг...

Рифленая подошва скользит, ломая корку кислородного снега, рука в поисках опоры касается закругляющейся стены, в которой через равные промежутки расположены овальные иллюминаторы, покрытые изнутри толстым слоем инея.

Вибрация. Разреженный воздух плохо передает звук, но осязание подсказывает: где-то рядом работает мощный механизм, вращающий заиндевелую трубу тоннельного перехода. Пальцы срываются, скользят по гладкой поверхности, стирая слой замерзшего конденсата, и по ту сторону толстого стекла внезапно проступает чернильный мрак бездны, исколотый серебристыми искорками неимоверно далеких звезд.

Сознание человека едва ли обращает внимание на этот факт. Все его силы, физические и моральные подчинены сейчас одному стремлению, – идти, двигаться вперед, во что бы то ни стало...

Еще один шаг.

Безвольное тело давит на плечи, предательская корка снега ломается, ноги скользят, теряя опору, и он неловко падает набок.

Все... Привал...

Он наклоняет голову, снимая с себя кольцо связанных в запястье рук. Внезапно накатывается неодолимое желание открыть забрало гермошлема, набрать пригоршню голубоватого снега и ощутить, как заломит зубы от холода, когда мелкие кристаллики начнут таять во рту...

Нельзя. Атмосфера в тоннельном переходе слишком разрежена.

Он хорошо знал данный проход. Его называли «коридором мертвых» из-за нескольких тел, оставшихся тут с незапамятных времен. Вмерзшие в утолщающуюся год от года наледь, они выглядели как гротескные скульптуры.

Мысль о кристаллах кислородного снега ушла, но рука продолжала неосознанно шарить вокруг, пока под пальцы внезапно не попал небольшой сферический предмет.

Человек машинально поднял находку.

В моменты полного изнеможения сознание само ищет спасительные мелочи, за которые можно зацепиться, чтобы не потерять ощущение реальности, – они позволяют рассудку отступить от края пропасти, не поддаваться влекущему зову отчаянья...

...Маленький сферический предмет лежал на ладони, его матовая поверхность тускло отсвечивала, отражая блики освещения. На корпусе шара, под прихотливым узором наледи, виднелись точечные отверстия, за которыми таились различные сенсорные системы. В средней части сфероид опоясывало небольшое вздутие, на котором взгляд различал гнезда реактивных микродвигателей.

Не смотря внешнюю целостность обшивки, шар выглядел статичным, нефункциональным, на нем, как и на всех окружающих предметах лежал слой изморози, под которым с трудом угадывалась нанесенная много лет назад маркировка:

"Изготовлено в России. Арапинский завод самодостаточных микросистем. Модель ИПАМ-17¹".

Человек некоторое время смотрел на маленький сфероид, затем машинально сунул его в нагрудный клапан разгрузки, надетой поверх скафандра.

Короткий отдых грозил перерасти в полный безразличный статиз. Он понимал это, не смотря на свинцовую усталость, сковывающую тело и разум.

Нужно двигаться. Преодолеть себя и идти.

Он снова наклонил голову, проталкивая гермошлем в кольцо занемевших рук находящего в бессознательном состоянии друга.

Идти. Двигаться. Только вперед...

* * *

Прошло без малого двое суток, прежде чем он сумел добраться до загерметизированных жилых помещений, среди которых располагался медицинский модуль.

К этому моменту он уже едва соображал, где находится и что делает, действуя скорее машинально, чем осознанно. Усталость пересилила все остальные чувства, сознание стало обрывочным, и неудивительно, что он совершенно забыл о подобранном в тоннельном переходе сфероиде.

Последние усилия человека, так упорно стремившегося попасть в медицинский модуль сектора, были направлены на то, чтобы сохранить искорку жизни, все еще теплящуюся в организме тяжело раненого друга.

Что он мог сделать для него?

Немного, учитывая собственное состояние. Освободившись от гермоперчаток скафандра, он отыскал взглядом ближайшую к входу автоматическую реанимационную камеру и, выбиваясь из последних сил, стал укладывать в нее безвольное тело, даже не сообразив, что с раненого следует снять скафандр.

Он понял свою ошибку только в тот момент, когда прозрачная верхняя часть сложного агрегата отказалась опускаться, а на ближайшем терминале кибернетической системы зажглись предупреждающие огни.

Он вновь склонился над телом друга, и в этот момент шар выскользнул из нагрудного клапана разгрузки, ударился об пол и откатился в сторону к основанию комплекса медицинской аппаратуры.

Естественно, изможденный человек не обратил на это никакого внимания. Он непослушными пальцами расстегивал гермоэпировку, чтобы дать возможность автоматике приступить к осмотру и оказанию первой помощи так не приходившему в сознание другу.

Элементы скафандра падали на пол, за ними последовала пропитанная кровью одежда.

На консоли управления один за другим стали вспыхивать изумрудные сигналы индикации. Прозрачная крышка реанимационной камеры дрогнула и начала автоматически опускаться.

Все...

Теперь он сделал все что мог. Оставалось лишь надеяться и ждать.

Человек в последний раз взглянул на землистое лицо товарища, затем, опираясь рукой о попадающиеся на пути предметы, побрел к выходу из медицинского отсека.

Он хотел одного – спать.

Маленький, не подающий признаков функциональности шар, остался лежать на полу, погребенный под окровавленной одеждой.

¹ ИПАМ – Искусственный псевдоинтеллектуальный автономный модуль.

Покрывавший его иней давно растаял, и теперь смешанная с влагой кровь капала на корпус, скатываясь по нему розоватыми дорожками.

* * *

Под грудой влажной одежды сохранялось тепло.

Неизвестно что происходило с помещенным в реанимационную камеру человеком, но маленький сфероид постепенно приходил в себя после многолетнего стазиса.

Под прочной оболочкой из металлокерамического материала медленно накапливалась энергия, которую вырабатывали термоэлементы, работающие на разнице температур между окружающей средой и внутренним пространством сферического аппарата.

Искусственно созданная нейросеть, составляющая основу вычислительного устройства сфероида, являлась сложной самоорганизующейся системой, в основу которой были заложены принципы кодирования и обработки данных, заимствованные у биологических прототипов.

Для поддержания функций искусственной нейросети было достаточно небольшого количества энергии: микроток, выработанный термоэлементами, оказался слишком слаб для восстановления вспомогательных сенсорных систем, но его вполне хватило для модулирования импульсов возбуждения на входе нейросети.

Искусственная нейронная сеть очнулась, – именно очнулась, а не включилась, и первым ее действием стала безуспешная попытка принять импульсы обратной связи.

Мрак.

Тишина.

Полное отсутствие сигналов от сенсорных систем.

Он вновь осознавал себя, но не воспринимал окружающей реальности.

Для нейросети, пусть и искусственной, это являлось шоком.

Часть 1. Смежный сектор.

Глава 1.

Настоящее...

Доминик Ван Хеллен проснулся от тихого, вкрадчивого, царапающего звука.

В отсеке сквозило холодом. Система вентиляции вторую неделю сбоила с подогревом регенерированного воздуха. Не хватало ресурсов, – как всегда, на исходе годовичного периода, большинство автоматических устройств входило в энергосберегающий режим, поддерживая лишь минимум своих функций.

Разбудивший его звук повторился.

Рука медленно скользнула вдоль торца откидной койки, пока пальцы не сомкнулись на пористой поверхности пистолетной рукоятки² оружия.

Ван Хеллен замер, превратившись в слух. Царапающий звук приближался, становясь отчетливее, резче.

Тусклый, желтоватый свет, исходящий от маленького плафона «дежурного освещения», превращал тьму в серый сумрак, очертания предметов казались зыбкими, расплывчатыми.

Совсем как в холодные месяцы... – машинально подумал Доминик, оценив обстановку.

Звук на время исчез, будто замер, потом появился вновь.

Кто-то продвигался по системе вентиляционных каналов, теперь в этом уже не оставалось никаких сомнений.

Взгляд Ван Хеллена уже достаточно свыкся с полумраком, чтобы разглядеть забранное в металлические жалюзи отверстие системы централизованной подачи воздуха. Настороживший его звук мог исходить только оттуда.

Опять тишина. Обманчивая, вязкая, тревожная.

Доминик медленно извлек оружие из самодельных захватов; рука ощутила, как синтетическая ткань одеяла щекочет запястье.

Скрежет.

Кто это? Заблудившийся ремонтный кибермеханизм?

Ван Хеллена смущал звук. Когда металл царапает по металлу, он громче, отчетливее, а этот был тихим, словно крадущимся...

Старое потертое одеяло вспучилось маленьким бугорком.

Ближе...

Дыхание Доминика оставалось ровным. Он был спокоен, как боевая пружина, вставшая на взвод.

Еще ближе...

Вот, наконец, и смутный силуэт. Пластины жалюзи тускло отсвечивали, оттеняя гнездящийся за ними мрак.

Если сейчас блеснет металл – там робот. – Мысленно рассудил Ван Хеллен.

Не блеснул.

² Пистолетная рукоятка – деталь любого автоматического оружия (включая штурмовые винтовки, в нашей классификации – автоматы) на которой закреплен рычаг спускового механизма (спусковой крючок).

Серый силуэт появился в поле зрения. Существо, передвигавшееся по системе вентиляции, едва помещалось в тесном пространстве воздуховода; оно ползло очень медленно, стараясь производить как можно меньше шума, и нужно признать, это ему почти удавалось.

Если б в отсеке спал кто-то другой, то возможно ксеноморф миновал бы опасный участок, оставшись незамеченным, но инстинкты Ван Хеллена не притуплялись с возвращением домой. Он по привычке просыпался от каждого шороха, и как оказалось – не зря.

Бугорок под одеялом чуть сместился и внезапно тишину отсека порвал короткий, сильный вздох прицельной очереди.

Титановые шарики взвизгнули, прошибая металлопластик; вниз с грохотом и лязгом посыпались пластины разбитых жалюзи, вслед которым на пол с неприятным влажным шлепком упало что-то мягкое.

Ван Хеллен отшвырнул одеяло, вскакивая с постели, и в этот момент раздался оглушительный взрыв: слепящий сполох сверкнул под самым потолком, горячая, упругая воздушная волна сбила его с ног, окружающие звуки мгновенно исчезли, оставив лишь тягучий, застрявший в сознании отголосок контузии, да кисловатый запах взрывчатки, смешанный с *вонью*, от которой тут же начало выворачивать внутренности.

Токсин...

Он судорожно подавил инстинктивный вдох, и, пошатнувшись, встал, одной рукой удерживаясь за стену. Перед глазами плыли багровые круги.

Не вдыхая, он на ощупь нашел встроенный в переборку скафандровый отсек, рывком сдвинул декоративную панель, мельком обратив внимание на застрявшие в ней осколки металла, и схватил гермошлем, от которого тянулся пластиковый гофрированный шланг системы автономной подачи воздуха.

Поймав губами мундштук кислородного аппарата, Ван Хеллен сделал несколько судорожных вдохов, чувствуя спазматическую резь в груди.

Некоторое время он стоял у стены, прислонившись спиной к переборке, одна рука удерживала снятый с полки гермошлем, другая по-прежнему сжимала короткоствольный импульсный автомат.

Дым постепенно начал рассеиваться, багровые круги превратились в мелкие искорки, неохотно, издав далеко возвращались звуки: слабое потрескивание остывающего пластика, неожиданный лязг еще одной сорвавшейся из-под полотка металлической пластины, тонкое шипение воды, брызжущей из системы аварийного пожаротушения...

Пальцы Доминика медленно перемещались по внутренней поверхности шлема, пока не наткнулись на маленькую сенсорную панель, закрепленную на ободке забрала.

Сухо щелкнул включившийся коммуникатор.

– Постышев, слушаю. – Раздался молодой, еще не огрубевший голос.

– Нарушение периметра. – Хрипло выдавил Доминик, отпустив мундштук дыхательного аппарата. – На связи Ван Хеллен. Я только что застрелил ксеноморфа в системе вентиляции!...

* * *

Минуту спустя в отсеке появилась группа немедленного действия.

Ярко вспыхнул свет.

– Там. – Доминик указал на внушительную дыру с почерневшими оплавленными краями, зияющую в том месте, где располагался выход вентиляционной шахты.

Один из бойцов, включив фонарь гермошлема, ловко подтянулся, схватившись за изуродованный взрывом край переборки.

– Тут никого. – Сообщил он. – Все разворочено.

– Это был ксеноморф. Боевая особь. – Ответил Ван Хеллен, жестом отказываясь от медицинской помощи. – Сканируйте систему воздуховодов, он мог быть не один.

– Почему произошел взрыв?

Хороший вопрос.

Ван Хеллен вдохнул воздух отсека. Запах токсина почти исчез.

– Думаю, эта тварь волокла взрывное устройство. – Поморщившись, ответил он, и тут же добавил: – Не стойте, мрак вас всех раздери! Со мной все в порядке! Ищите!...

Подгоняемые его бранью, фигуры в скафандрах высыпали в коридор, оставив дверь открытой нараспашку.

Доминик лишь сокрушенно покачал головой, посмотрев им вслед.

Он уже окончательно пришел в себя. Аккуратно положив гермошлем назад, на предназначенную для него полку, Ван Хеллен подошел к дыре.

Ему не нужно было обращаться к чертежам и схемам: мысленно представив направление воздуховода, он совместил воображаемую линию с расположением близлежащих отсеков.

Существовало расхожее мнение, что боевые особи ксенобиан не обладают разумом.

Ван Хеллен отлично знал – это не так. Он не брался судить, есть ли у них ассоциативное мышление, осознают ли они факт собственного бытия, – Доминик твердо знал лишь одно: они успешно учатся у людей, прекрасно владеют не только врожденным, но и трофейным оружием, и никогда не повторяют однажды совершенных ошибок.

Тонко запищал закрепленный на запястье КЛС³.

– Да.

– Доминик, ты в порядке? – Раздался знакомый голос.

– Нормально. – Ответил Ван Хеллен. – Слегка контузило, немного глотнул токсина. В общем, по мелочи.

– Есть предположения?

– Только одно – ксеноморф полз по твою душу, Ник. Наши отсеки расположены рядом. Так что ему оставалось метров двадцать.

– Значит это не массированная атака?

– Думаю, нет. Ты знаешь ксенобиан. Они не стали бы сидеть как крысы в вентиляции, ожидая пока их выкурят оттуда. Ксеноморф был один. А охрана периметра – бестолочи.

– Зайди ко мне. Нам нужно поговорить.

– Хорошо, сейчас.

Ван Хеллен отключил коммуникатор, и взглянул на пробоину, поморщившись от устойчивого, неприятного запаха.

Теперь в отсеке будет вонять еще неделю, не меньше. – С досадой подумал он.

* * *

Громко, вызывающе лязгнула затворившаяся дверь.

Человек, сидевший за столом, поднял голову. Покрасневшие глаза, бледное, осунувшееся лицо, на которое мертвенным отсветом падало тусклое сияние расположенного по левую руку компьютерного экрана, – все это создавало предельно усталый образ.

Взглянув на вошедшего, Астафьев кивнул, указывая взглядом на кресло с потертой обшивкой.

– Заходи, Доминик. Садись.

³ КЛС – Коммуникатор Личной Связи. Прибор ограниченного радиуса действия, обычно настроенный на один защищенный канал.

Они были ровесниками, но по сравнению с Николаем, Ван Хеллен выглядел совсем иначе: высокий, мускулистый, подтянутый, с ранней проседью в коротко стриженных волосах, и цепким взглядом карих глаз на смуглом лице.

Взяв стул, он бесцеремонно повернул его задом наперед, сел, облокотившись о гнутую металлическую спинку, и хмыкнул, искоса взглянув на монитор.

В качестве информационной заставки Астафьев использовал таймер обратного отсчета.

«До включения систем годовичного перераспределения ресурсов осталось сто девяносто пять часов сорок три минуты». – Гласила застывшая на экране надпись.

Интересно он давит на психику себе или посетителям? – Невольно подумал Ван Хеллен.

– Нашли точку прорыва? – Спросил он, нарушая непонятное молчание, возникшее после приглашения сесть.

– Да. – Астафьев крутил между пальцами световое стило, которым пользовался для разметки схем на компьютерном планшете. – Старый воздухозаборник. Восьмой сегмент периметра.

Ван Хеллен мысленно представил указанный участок.

– Там вакуум.

– Верно. – Стило внезапно хрустнуло, сломавшись. – Ксенобиане использовали стандартное оборудование для ремонта обшивки. Легкий переходной тамбур и аппарат плазменной резки металла... – Николай аккуратно положил на стол обломки хрупкого устройства ввода.

– Ксеноморф полз по твою душу, Ник. – Повторил Ван Хеллен. – Но это следствие. – Тут же добавил он. – Я не вижу причины. Почему они вдруг решили, что покушение на тебя даст им преимущество в годичной схватке? Это, во-первых. Во-вторых, откуда у них *наше* взрывное устройство и точная информация о расположении отсеков и воздухопроводов?

Астафьев поднял голову, посмотрев в глаза Доминику.

– Помнишь, как все начиналось? – Неожиданно спросил он.

Тот лишь коротко кивнул. Такое не забывается. Никогда.

Прошлое...

Они отступали.

Схватка за ресурсы была безнадежно проиграна, от отряда в пятнадцать человек осталось лишь двое бойцов: юноши, которым едва исполнилось по восемнадцать лет.

Один из них не мог идти. Левая нога, прошитая очередью из бионического автомата, распухла, почернела, мышцы под воздействием токсина превратились в дряблый студень.

Ему было страшно. Очень страшно. Ногу не терзала боль, он просто не ощущал ее, как часть тела, и от этого становилось жутко...

– Брось меня Доминик... – Прохрипел он, когда меж мертвых деревьев чужого леса показались преследующие их фигуры ксеноморфов. – Оставь мне автомат и уходи. Умоляю тебя!...

Ван Хеллен, пошатнувшись, остановился, затем обессилено опустился на колени, позволяя другу разомкнуть кольцо рук и мешковато сползти с его спины.

– Даже не думай, Ник. – Побелевшие губы Доминика, вытянувшиеся в тонкую бескровную линию, мелко дрожали. Страх и ненависть били через край, чувства рвались наружу, изливаясь в произвольном сокращении мышц, выходили с мутным взглядом выцветших от усталости глаз, резкими движениями непослушных пальцев, так некстати меняющих пустой магазин импульсного автомата.

Астафьев неуклюже отполз вбок, под защиту поваленного древесного ствола.

Та самая поляна... – внезапно понял он, разглядев знакомые зарубки. От свежих воспоминаний захотелось взвыть. Неужели всего пять дней назад они останавливались тут, чтобы

сменить скафандры на боевую экипировку, – сильные, здоровые, полные решимости пойти до конца и победить...

Слезы катились по щекам. Парализованная нога зацепилась за ветку, и он вдруг не выдержал, – скрипнув зубами, достал термическую гранату, сжал сенсор активации и хрипло выкрикнул:

– Уходи, Доминик!

Сзади послышался шорох, цепкие пальцы впились в плечо, над самым ухом раздалось частое прерывистое дыхание и, вторя ему, сипло зачастил ИПК⁴, срубая длинной очередью подкрававшихся почти вплотную врагов.

Титановые шарики крошили хитин, рвали чуждую плоть, визгливо рикошетили, срубая ветки с мертвых деревьев черного леса...

– Бросай!

Астафьев почувствовал, как ИПК с дрожью выплюнул остаток боекомплекта и смолк.

Сейчас... Сейчас они встанут...

Замах получился слабым, продолговатый цилиндрический корпус гранаты пролетел с десяток метров и, стукнувшись о ствол дерева, отскочил назад.

Ван Хеллен навалился на Николая сверху, вжимая его лицом в хрусткое крошево из сломанных ветвей и похожих на кремниевые чешуйки листьев.

Впереди раздался приглушенный хлопок, и внезапно взъярилось белое, ослепительное пламя. Жар волной прокатился над самыми головами; Доминик ощутил, как изодранная куртка начинает съезжаться на спине, но ствол поваленного дерева все же укрыл их от близкого разрыва термической гранаты.

– Там скафандры... – Ван Хеллен изогнулся, освободив Николая. – Ползи!

Астафьев не смог послушаться. В хриплом голосе Доминика kloкотала нечеловеческая ярость, не оставляя места для «но», – это был приказ, и Николай, минуту назад готовый распрощаться с жизнью, подчинился, пополз, хватаясь руками за выпирающие, узловатые корни чужих деревьев, подтягивая наполовину парализованное тело, пока не увидел зарубку, указывающую, где они спрятали скафандры.

Сзади вновь ударил ИПК.

...

Ван Хеллен вытащил его.

Память Николая сохранила лишь смутные, полубредовые обрывки воспоминаний о том, как они продвигались через зону разгерметизированных отсеков, до первого шлюза, за которым начинался человеческий сектор.

По настоящему он пришел в себя спустя месяц, уже после ампутации ноги.

В обширном отсеке, громко именуемом «госпиталь» царствовала автоматика. Тишину помещения нарушали лишь вздохи работающих механизмов, да тонкий писк контрольных сигналов, глаза неприятно резал стерилизующий ультрафиолет специальных ламп.

Раньше, до ранения Николай никогда не заходил сюда, – не было нужды, да и побаивался, и вот теперь он оказался в полном одиночестве, наедине с таинственными машинами, которые пощадили разрушительные коллизии прошлого.

После Внешней Атаки и единственно полномасштабного сражения людей и ксенобиан, которое привело к трагическим последствиям для обеих сторон, выжившие стали с недоверием относиться к уцелевшим машинам. Здесь возникал парадокс – жизнь без участия автоматике была попросту немыслима, но в то же время никто не следил за кибернетическими устройствами, – их предпочитали воспринимать как данность, нечто сосуществующее параллельно...

⁴ ИПК – Импульсный пистолет-пулемет системы Кердябина.

И все же полностью проигнорировать компьютеры, связанные с системами жизнеобеспечения, не могли ни люди, ни ксенобиане...

...Он то проваливался в короткий сон, то вновь просыпался, быстро утомляясь от бодрствования, – такое состояние длилось долго, никто не заходил к нему, но иначе и не могло быть: медицинские отсеки пользовались дурной славой, здоровых людей автоматика попросту игнорировала, а раненные или больные либо вообще не возвращались отсюда, либо хранили молчание, не в силах объяснить, что с ними делали таинственные машины.

Невежество, утрата знаний порождала самые невероятные слухи, закономерным итогом которых стал устойчивый иррациональный страх, формирующий субъективные понятия.

...Однако шло время, а подсознательная тревога не оправдывалась. Раз за разом, выкарабкиваясь из пучин глубокого, граничащего с беспмятством сна, он чувствовал себя лучше. Периоды бодрствования становились все более продолжительными, прозрачная крышка, поначалу отгораживавшая его от внешнего мира, куда-то исчезла, но автоматика не прекратила манипуляций над травмированным организмом, – незримые, но *ощущаемые* устройства массировали тело, сквозь тонкие трубочки постоянно подавались какие-то жидкости, Астафьев впервые не чувствовал периодического чувства голода, но это не радовало, а наоборот – пугало.

Он понемногу приходил в себя, возвращая утраченное восприятие реальности.

Не имея возможности увидеть себя со стороны, Николай невольно прислушивался к ощущениям тела, особенно в моменты, когда начинали свою работу микромассажеры.

Левой ноги не было.

Понимание этого пришло внезапно, как страшное откровение. Она не онемела, *ее отрезали*. – Мысль тут же начала угасать вместе с разумом, перед глазами появилась мутная пелена, и спустя мгновение он впал в глубокое забытье.

...Очнувшись от долгого, полного кошмарных сновидений сна, он не испытал повторного шока. Мысль о том, что он превратился в одноногого калеку, каким-то образом прижилась в рассудке, не причиняя острой душевной боли, – сон, словно губка, впитал мучительные переживания, частично примирив разум с ужасающим фактом.

Он попытался пошевелиться, но не смог. Хотел вспомнить, что происходило с ним до ранения, однако память глубоко спрятала травматические впечатления, неохотно отдавая лишь смутные, размытые образы событий.

Что-то нивелировало его психику, не позволяя сосредоточиться на недавних событиях, возможно, таким образом на него воздействовали препараты, вводимые в кровь автоматической системой поддержания жизни, – во всяком случае, вместо стресса он ощущал отрешенность, покой... хотя в его положении подобная реакция выглядела неестественной.

Прошло и это.

Время постепенно утратило смысл, потеряло статус физической величины.

Рассудок работал вяло. Он ощущал, как переборки с разными интервалами передавали аритмичные вибрации, но далеко не сразу сообразил, что дрожь металлоконструкций передает отголоски долгого, то затухающего, то возобновляющегося с новой силой боя, который шел где-то рядом, на подступах к жилым секторам.

Возможно, ксеноморфы, вдохновленные победой в смежном секторе, решили окончательно расправиться с людьми.

Астафьева не волновало даже это.

Он лежал, глядя на тусклые, изменчивые узоры индикационных сигналов и думал, но не о потерянной ноге, – его мысли сливались с огоньками автоматических систем, мерцали, пытались вжиться в их ритм, и разум, который не мог оставаться пустым, бездумным, постепенно начал абстрагироваться от реальности: в рассудке возникали вопросы, над которыми Николай никогда не задумывался:

Зачем я жил? – Со странной отрешенностью спрашивал себя он. – *Ради чего мы рождаемся и умираем?*

Наверное, ему следовало биться в бессильной истерике, понимая, что будущего нет, калека долго не протянет в тяжелых условиях повседневного существования, где каждый человек должен быть на что-то годен, приносить ощутимую пользу.

Значит, интуитивно он был прав, когда в отчаянии сжимал сенсор термической гранаты, с решимостью подорвать себя и подбирившихся ксеноморфов?

Зачем Доминик спас его? К чему автоматическая система тратила невосполнимый ресурс, выхаживая калеку? Что он сможет сделать, когда выйдет отсюда? Доковылять до ближайшей баррикады и подороже продать вновь обретенную жизнь?

Мысли кружились в ирреальном танце, их гасил, поглощал ненатуральный всеобъемлющий покой, навязанный ему реанимационной системой.

Прошло немало времени, прежде чем Астафьев вновь попробовал пошевелиться, и эта попытка к его удивлению увенчалась некоторым успехом.

Судя по ощущениям, обе руки и нога были пристегнуты к металлопластиковым поручням, предохраняющим его от падения на пол, – Николаю удалось лишь повернуть голову, почувствовав, что волосы наголо обриты, а свободу движения ограничивают какие-то тонкие гибкие трубки.

В поле зрения попал стол, венчавшийся шеренгой компьютерных терминалов. На поцарапанной столешнице лежал мохнатый слой пыли, в котором пропечатались смазанные следы. Наверное, их оставил Ван Хеллен, когда принес сюда бесчувственное тело.

Некоторое время Николай занимал себя тем, что всматривался в надписи, то и дело возникающие на экранах плоских мониторов, расположенных под острым, неудобным для восприятия углом, относительно его ложа.

В состав штурмовых групп обязательно входил компьютерный техник. Это звучало громко, если учитывать глубину познаний Астафьева в области кибернетики. Да, он читал древние наставления, но мало что понимал в них. В период усиленной подготовки его попросту заставили вызубрить последовательность команд, которые он должен был ввести в главный компьютер, чтобы ресурсы Мира были перераспределены в пользу людей.

Их группа попала в засаду и была уничтожена, не преодолев и половину пути до заветного центра управления. Судя по отголоскам близкого боя, другим отрядам так же не удалось победить в схватке за ежегодное перераспределение ресурсов.

Зачем мы живем?

Мысль периодически поднималась из глубин подсознания, примешиваясь к обрывочным травматическим воспоминаниям.

Неужели Мир был изначально создан для мучительной борьбы двух ненавидящих друг друга рас?

Вопросы без ответа.

Кто он такой чтобы думать о сути мироздания? Пройдет немного времени, и автоматическая система отпустит его, погаснут экраны мониторов, смолкнет писк индикационных сигналов, возможно, весь комплекс замрет, погрузившись во мрак энергосберегающего режима, равнодушный, безучастный... пока на место Николая не принесут кого-то другого, жестоко искалеченного в бою.

Это тоже жизнь? – Думал он, глядя на перемигивающиеся огоньки терминалов. – *Или ее подобие?*

Геометрические узоры света расплывались перед глазами, и зрение неожиданно сфокусировалось на иных деталях окружающей обстановки: посреди стола стояла пустая чашка, крепко присохшая к поверхности выплеснувшимся когда-то кофе. Бурый, похожий на кляксу ободок

окружал ее, рядом лежали покоробленные листы пластбумаги, из-под которых виднелся краешек непонятого прямоугольного предмета.

Рядом со столом стояло кресло, укрепленное на дугообразном монорельсе.

Кто приходил сюда, чтобы сесть в него? – Разум Николая машинально выстраивал логическую цепочку причин и следствий: Раз здесь осталась чашка с недопитым кофе, значит был и человек, следивший за показаниями приборов, – думал он, – человек *понимавший* смысл появляющихся на экранах сообщений, не испытывающий страха и неприязни к непонятым машинам...

Рассуждение оказалась неожиданным, оно потревожила разум сильнее, чем иные переживания.

Теперь Астафьев уже не просто скользил сомнамбулическим взглядом по тусклым экранам, а пытался осмыслить появляющиеся на них символы, сложить их в слова и строки лаконичных сообщений. В другое время это показалось бы ему сверхзадачей, – разве можно понять таинственные процессы, протекающие в недрах автоматизированных комплексов, используя только знание древнего алфавита?

Если бы не одиночество и воздействие успокаивающих препаратов, нивелирующих эмоциональные всплески, он никогда бы не смог вот так часами лежать, глядя на ровные шеренги контрольных мониторов, и читать, невольно шевеля губами, а потом долго размышлять над смыслом понятых или наоборот, неизвестных ему слов, пытаясь постичь контекст кратких сообщений.

Теперь время вообще перестало существовать для него.

Он доводил себя до полного морального изнеможения, пока не впадал в глубокий сон, но, проснувшись, вновь принимался за прежнее занятие.

* * *

Настал день, когда захваты, сковывающие его запястья и лодыжку, автоматически открылись.

Николай повернул голову и понял, что пока он спал, исчезли оплетавшие его тело провода и трубки.

Он был исцелен и свободен.

Страшно ощущать себя калекой... Астафьев в полной мере познал это чувство, беспомощно перевалившись за низкий бортик отключившейся реанимационной камеры.

Пол был холодным, давно не мытым, вокруг валялись элементы гермоэкипировки, бурой заскорузлой грудой лежала его пропитанная кровью одежда. Пластик облицовки лип к коже, озноб мурашками полз по нагому телу, чувство полнейшей беспомощности в какой-то миг придавило, будто внезапно рухнувшая плита...

Ему хотелось закричать взвять, сломать внезапно окружившую его разум хрупкую тишину, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип.

Похудевшая рука дотянулась до изгибающегося монорельса, дрожащие от напряжения пальцы вцепились в него, неловко подтаскивая тело к заветному креслу.

Николай отчетливо понимал, – отныне он предоставлен сам себе. Зная, что беспомощного, бесполезного для остальных людей калеку ожидает неминуемая гибель в жестких условиях непрекращающейся борьбы за выживание, он инстинктивно, как утопающий за соломинку ухватился за призрачную надежду, зародившуюся в последние дни.

Если б не ранение и долгий период вынужденного бездействия, когда работал только разум, он никогда бы не пришел к парадоксальному с точки зрения традиционных взглядов выводу: расположенными вокруг машинами раньше управляли люди. Это вселяло страх и надежду.

С трудом подтянувшись, он кое-как вскарабкался в кресло.

Пальцы по-прежнему дрожали, физические усилия после долгой неподвижности давались с невероятным трудом, нагое тело, не смотря на холод, покрылось липкой испариной.

Откинувшись на податливую, мягкую спинку с удобным подголовником, он некоторое время сидел, приходя в себя после совершенных усилий.

Наконец разноцветные искры перестали мельтешить перед глазами, непроизвольная дрожь понемногу улеглась, оставив ощущение ломоты в ослабевших от долгой неподвижности мускулах.

Сколько дней Астафьев смотрел на этот стол, предвкушая минуту, когда сможет, наконец, сесть в кресло, и...

Он протянул руку, сдвинул листы пластбумаги, освобождая из-под них странный предмет, уголок которого долго терзал его воображение.

Серый ничем не примечательный прямоугольник, размером с человеческую ладонь.

Николай перевернул его, сдул пыль, с замиранием сердца наблюдая, как свет упал на матовую поверхность, преломился, и тонкая пластина внезапно приобрела объем, открывая взгляду навек запечатленное изображение молодой улыбающейся женщины.

Френку от Катрин.

Его внезапно бросило в жар.

Ник смотрел в удивительные, *живые* черты незнакомой женщины, понимая, что никогда не видел такого нежного открытого взгляда; ямочки на щеках, счастливая улыбка, длинные выющиеся волосы, – все это создавало нереальный, потусторонний образ... Астафьев сидел, будто замороженный, и смотрел на голографический снимок, который сказал ему все, дал интуитивный ответ на большинство казавшихся неразрешимыми вопросов: да, была иная жизнь, смысл которой не сводился к количеству убитых ксеноморфов, – он играл на губах незнакомки недоступным пониманию *счастьем*.

Николай забыл про холод и дрожь.

Он невольно вспоминал свой небогатый опыт общения с представительницами противоположного пола: образы современниц, суровые, неприветливые накладывались на снимок, словно гротескные, ломающиеся тени, и в голову вдруг пришла ясная, осознанная мысль: их борьба, лишения, схватки с чужими, – это не жизнь, а уродливый отголосок прошлого...

* * *

Нервное перевозбуждение постепенно прошло, сменяясь глухой депрессией.

Тела коснулась прохлада, быстро превратившаяся в неприятное чувство холода.

Николай сидел в кресле, глядя на погасшие экраны мониторов, и все отчетливее понимал: вывод о главенствующей роли людей может быть и верен, но его надежды вряд ли сбудутся, – он не мог сделать даже такой малости, как заново включить вошедшую в энергосберегающий режим аппаратуру, не говоря уже о том, чтобы постичь смысл ее функций, научиться управлять компьютерными комплексами.

Те команды, что он выучил в период подготовки к вылазке в смежный сектор, явно негодились. Интуитивно Астафьев понимал, что все компьютеры так или иначе должны подчиняться какому-то единому, неизблемому принципу, знание которого давало власть над ними, но, увы, – на поверку его эрудиция в данном вопросе являлась смехотворной...

...Чувствуя, как по телу начинает гулять озноб, он потянулся к лежащей на полу одежде. Ткань заскорузла от засохшей крови, пришлось приложить усилие, чтобы оторвать от пола свою куртку, из-под которой внезапно выкатился странный сферический предмет.

Николай посмотрел на него и отвернулся, натягивая на плечи загрубевшую ткань.

Отчаяние все глубже овладевало его рассудком, словно он только что очнулся от несбыточного эйфорического сна и увидел реальность такой, какова она есть.

...

Ультрафиолет.

Свет нес энергию, и специальные фотоэлектрические вставки, расположенные на обшивке сфероида уловили поток заряженных частиц.

Прошло всего несколько минут и одно за другим начали включаться устройства периферии: заработали сенсоры, передавая импульсы возбуждения на вход центральной нейросети.

Он лежал на полу.

Вокруг высились блоки систем поддержания жизни, спектр освещения соответствовал нормам, определенным для медицинских отсеков, однако анализаторы атмосферы указывали на низкую температуру воздуха, недопустимый уровень пыли и большой процент углекислоты.

В поле зрения точечных видеокамер попадала большая часть помещения, нейросистема распознала не только блоки медицинской аппаратуры, но и закрепленное на монорельсе кресло, в котором сидел полунагой человек.

Мгновенная попытка наладить двусторонний нейросенсорный контакт успехом не увенчалась, – у человека отсутствовала не только левая нога, но и имплант, с необходимым для установления контакта буферным устройством временного хранения и дешифровки данных.

Собственно ИПАМ мог обойтись и без него, – датчики четко фиксировали биополе, снижая показания нервного возбуждения отдельных участков коры головного мозга, а система распознавания, используя специально разработанные алгоритмы, анализировала данные, делая вывод, о подавленном психическом состоянии человека.

Сфероид, главным назначением которого являлась помощь людям при возникновении затруднительных ситуаций, не мог не отреагировать на полученную информацию. Проанализировав собственные возможности, он пришел к выводу, что единственным средством для установления предварительного контакта мог послужить только встроенный синтезатор речи.

...

Николай вздрогнул всем телом, как от удара электрического тока, когда за его спиной внезапно раздался голос:

– Сэр, вам необходима помощь?

Он резко обернулся. Медицинский модуль был пуст, никто не стоял сзади, но голос прозвучал так явственно, что не мог быть плодом его воображения.

– Вы смотрите в неверном направлении. С вами говорит ИПАМ. Я не могу двигаться, недостаточно энергии для включения микрореактивных движителей.

Горячий пот вновь обжег кожу.

Николай медленно опустил взгляд и увидел тот самый сфероид, который несколько минут назад выкатился из вороха одежды.

– Где ваш имплант сэр? Я не могу установить мнемонического контакта с биологическими нейросетями.

Астафьев немо, неотрывно смотрел на небольшой шар.

Он был в шоке, и не мог даже вообразить, сколько перемен в его жизнь принесет внезапно зазвучавший синтезированный голос маленького, невзрачного кибернетического устройства.

* * *

Окажись на его месте Ван Хеллен, разговорчивому сфероиду пришлось бы туго.

Люди опасались кибернетических механизмов, даже тех, кто приносил явную, осязаемую пользу. Корни данной фобии крылись во мраке стремительной деградации, наступившей после печально знаменитой Внешней Атаки.

Николай тоже вырос с чувством недоверия к различным автоматическим устройствам, – именно недоверия, а не панического страха, – как любой нормальный человек он попросту побаивался того, чего не мог понять, однако долгое пребывание в тесном контакте с машинами, работавшими над его исцелением, притупило былые страхи.

В эти минуты Астафьев, не задумываясь над значимостью и глубиной перемен, произошедших в его мировоззрении. Он оцепенел от неожиданности, но не ударился в панику.

Разве не о машинах он думал на протяжении последних дней? Им владело естественное стремление выжить, найти свое место в жестоких рамках трудного существования небольшого человеческого анклава; однажды пережив физическую и моральную агонию, он страшился ее повторения, внутренне не принимал предопределенности своего будущего, и в данный момент, испугавшись внезапно зазвучавшего голоса, он, тем не менее, не потерял, ни страхов, ни надежд, – все смешивалось в рассудке, невольно отражаясь в поступках Астафьева.

Он неотрывно смотрел на маленький шар, то цепенея от ужаса, то лихорадочно пытаясь понять, откуда он взялся?

Ван Хеллен поступил бы иначе.

Услышав за спиной голос внезапно и необъяснимо *ожившего* механизма, Доминик просто всадил бы в него пулю, для верности.

Николай не мог сделать этого по двум причинам.

Во-первых, у него не было оружия, а, во-вторых, синтезированный голос только на мгновение напугал его, внезапно зазвучав в унисон неистойой надежде...

– Я не понимаю тебя... – Хрипло ответил Астафьев. Если бы не увечье, он бы встал с кресла и присел на корточки подле таинственного шара, в попытке разглядеть его внешнюю структуру, но, машинально подавшись вперед, он вдруг болезненно ощутил свою физическую беспомощность, едва не упав на пол.

Один эмоциональный шок сменялся другим, – он закусил губу от досады, а шар, будто угадывал его состояние, вещая из-за бесформенной груды одежды и экипировки:

– Сэр, вам необходимо успокоится. Мои сенсоры фиксируют стрессовые сочетания биоманнитных полей, излучаемых вашим мозгом.

Откровенно, Астафьев не понял ни слова, кроме совета держать себя в руках.

– Меня зовут Николай. – Грубовато ответил он, пытаясь подавить вернувшийся страх. По интонациям звучащим, в синтезированном голосе маленького сфероида он догадывался, что повторяющееся слово «сэр» является какой-то формой обращения, но оно сразу же не понравилось ему своей чуждостью.

– Называй меня Николай, или Ник. Ты понял? – Подавив смятение, повторил он. Голос Астафьева почти не дрожал, но, кто бы знал, чего стоила ему эта кажущаяся невозмутимость. Предрассудки все-таки крепко сидели в голове, врываясь в сознание непредсказуемыми порывами.

Нет, я, верно, сошел с ума... – Он наклонился, шаря рукой в ворохе фрагментов гермоэкипировки. Не мог же Доминик забрать с собой все его оружие. До того ли ему было?

Интуиция не подвела, пальцы наткнулись на холодный металлопластик, тут же переместившись на прорезиненную пистолетную рукоятку, которую охватывал короткий ремешок. На ощупь расстегнув крепления, он резко выпрямился, поднимая руку с оружием.

Вес пистолета немного успокоил нервы.

– Ник? В кого ты собираешься стрелять? Здесь есть враги?

Он не ответил.

Похоже, маленький кибернетический аппарат не вполне отдавал себе отчет в том, что потенциальный враг – это он сам.

– Я не знаю, насколько ты опасен. – После секундной паузы ответил Николай.

– ИПАМ! Искусственный псевдоинтеллектуальный автономный модуль! – Синтезированный голос зазвучал резко, эмоционально, так мог бы говорить возмущенный человек, но слышать подобные интонации, издаваемые кибермеханизмом, было жутковато. – Моя главная функция – помогать астронавтам. Я не могу являться источником опасности для человека!

Его слова убедили Астафьева лишь в одном: он правильно сделал, что завладел оружием. Теперь в субъективной оценке ситуации Ник уже не ощущал мистического превосходства говорящего шара. Короткий, но насыщенный жизненный опыт подсказывал, что импульсный пистолет всегда может поставить точку в непредсказуемом развитии событий.

ИПАМ недоумевал.

Его нейросеть столкнулась с алогичной ситуацией и в данный момент пыталась выработать адекватную реакцию. Нонсенс заключался в том, что человек, завладев оружием, заметно успокоился, стал более конструктивен, – сенсоры однозначно фиксировали, как гаснут эмоциональные всплески биополя.

Теперь маленький сфероид оказался в затруднительном положении. Гибридный аппарат был частично обучен, а частично запрограммирован на определенный набор функций: он мог исполнять обязанности электронного секретаря, служить персональным компьютером, который никогда не выключается и всегда находится неподалеку от хозяина, осуществлять технические операции по ремонту бортового оборудования, особенно в труднодоступных для человека местах, контролировать состав атмосферы, температуру, герметичность отсеков, вовремя оповещая членов экипажа о малейших отклонениях от заданных норм, но среди известных ситуаций, на которые умела реагировать его нейросеть, не нашлось прецедента *противостояния* человека и машины...

Тот конструктор, кто заложил в основу автономного кибернетического устройства нейроподобную сеть, способную переобучаться, самонастраиваться в зависимости от изменения окружающей обстановки, был гением либо пророком.

Сейчас ИПАМ вместо того, чтобы впасть в ступор от неразрешимого противоречия, интенсивно искал ответ на возникший вопрос, моделируя и подвергая логическому анализу различные ситуации, которые могли стать первопричиной обнаруженного следствия.

Его видеодатчики фиксировали полуобнаженного человека, недавно лишившегося ноги, в данный момент сидящего в кресле дежурного медика, перед отключенными блоками системы реанимации. Не смотря на явно пониженный мышечный тонус организма, пистолет он держал твердо, уверенно, так, словно обращение с оружием давно вошло в разряд его машинальных привычек.

Итак, перед ним был вооруженный человек, демонстрирующий непонимание некоторых оборотов речи, напряженно, эмоционально переживающий сам факт присутствия в отсеке кибернетического механизма...

Нейросистема сфероида оценивала не только эмоциональное состояние и явные действия Астафьева, – скрупулезному анализу подвергались и собственные блоки долгосрочной памяти, запечатлевшие информацию о последних мгновениях перед аварией.

Аварией?

ИПАМ не мог ни подтвердить, ни опровергнуть данное утверждение.

– Ник, – обратился он за дополнительной информацией к человеку. – На корабле произошла катастрофа?

– На корабле? – Астафьев недоуменно посмотрел на сфероид. – Ты имеешь в виду Мир?

– Возможно, мы обозначаем разными терминами одну и ту же конструкцию? – Немедленно отреагировал ИПАМ. – Я уточняю вопрос: Что произошло с Миром в период... он сверился с последней сохраненной в его памяти датой и назвал ее.

Николай задумался. Диалог с машиной оказался невероятно труден. Подсознательно он ни на миг не забывал, что разговаривает отнюдь не с человеком, от этого ему становилось

неуютно, мысли путались, но все же Ник нашел в себе силы, чтобы преодолеть страх. На сколько хватит его решимости, оставалось только гадать...

– Ты спрашиваешь о Внешней Атаке? – Собравшись с мыслями, переспросил он.

– Я не знаю, что происходило после моего выключения. – Ответил синтезированный голос.

– А почему ты выключился?

Вот это был правильный, корректно сформулированный вопрос.

ИПАМ мгновенно сопоставил факт своего мгновенного отключения с остальной информацией и произнес:

– Термин «Внешняя Атака» подразумевает нападение со стороны космического пространства?

Николай откровенно пожал плечами.

– Снаружи. – Буркнул он, пытаясь припомнить смутные легенды, сохранившиеся с тех далеких времен. – Я был слишком мал и не помню подробностей. – Пояснил он, добавив:

– У нас и без того хватает проблем.

ИПАМ на некоторое время затих.

Его система обладала высокой степенью приспособляемости, выраженной в способности к ассоциативному мышлению: он анализировал новые данные, моделируя вероятности, делая эмпирические выводы, принимая к сведению одни и отвергая другие, пока искусственная нейросеть не выработала цепочку причинно-следственных связей, удовлетворяющих требованиям окружающей его реальности.

Он не стал делиться своими выводами с человеком, но не потому, что хотел что-то утаить. Если бы Николай спросил, ИПАМ, несомненно, ответил бы на вопрос, но Астафьев напряженно молчал, не проявляя никакой заинтересованности в прошлых событиях, поэтому сфероид ограничился повтором уже высказанной им формулировки:

– Я не опасен. Меня создали для сотрудничества с людьми, оказания повсеместной помощи.

– Тогда докажи это. – Немедленно отреагировал Ник. Первый шок прошел, но цепкий страх не исчез, он не отпустил разум, а напротив, усилился. Астафьев не мог вспомнить случая, чтобы машины пытались общаться с человеком. Обычно они молча исполняли свои функции, отображая на контрольных мониторах непонятные сообщения, которые люди попросту игнорировали, не в силах понять заложенного в них смысла.

– Тебе требуется помощь? Я могу предоставить любую интересующую информацию. Например...

– Мне нужно знать, как работают компьютеры. – Оборвал его Астафьев.

ИПАМ несколько секунд молчал.

– Для этого требуется имплант. – Лаконично заявил он. – При прямом нейросенсорном контакте обучение техническим дисциплинам не займет много времени.

– Я не знаю что такое имплант. – С досадой ответил Николай. – Ты что не можешь объяснить понятными словами?

– На это уйдут годы. – Упрямо ответил сфероид.

Астафьев задумался. *Он пытается меня обмануть? Или я просто не понимаю его?*

– Что такое имплант? – Наконец спросил он.

– Это устройство обмена данными. – Немедленно пояснил ИПАМ. – Подключив его, ты сможешь общаться со мной напрямую.

– Без слов?

– Мы будем связаны мнемонически.

– Ты можешь говорить понятно?!

– Мысленно. – Поправился сфероид. – Вопрос в твоём восприятии. Хочешь ли ты этого?

– Я не хочу умирать. – С необъяснимой злобой ответил Николай. – Ты что не видишь, у меня нет ноги?! Я бесполезен для остальных...

– Ногу можно заменить протезом. – Осторожно ответил ИПАМ.

Маленький сферический аппарат элементарно исполнял свои функции. Даже тех крох информации, что оказались в его распоряжении, было достаточно, чтобы понять: в помощи нуждается не только сидящий напротив Астафьев, – люди, по выводам нейросистемы, утратили не только контроль над автоматикой космического корабля, – они потеряли знания, – вот где крылась катастрофа, сформировавшая пропасть непонимания.

– Ты можешь получить от меня помощь. Но я не могу приказывать тебе. Ты сам должен решиться.

– На что?

– Внедрение импланта – это своего рода операция. Твой разум трудно перенесет ее.

Николай при слове «операция» машинально покосился на реанимационную камеру, в плену у которой провел долгие дни.

– Нет, ты неправильно меня понял. Хирургического вмешательства не будет. Имплант надевается на ушную раковину, и лишь группа микроконтактов соединяется с нервными окончаниями в височной области. Это совершенно безболезненно и не опасно для здоровья.

Ник, который хотел спросить, долго ли маленький шар собирается валяться на полу, вещая из-за груды тряпья, опустил пистолет и откинулся на спинку кресла.

Его опять лихорадило, но уже не от холода.

Астафьеву вдруг вспомнились страшные легенды о людях, которые действительно могли общаться с машинами, отдавая им мысленные приказы. Если верить мифам, все они погибли во время Внешней Атаки. Причиной их смерти, по преданию, стали микроскопические устройства, соединенные с разумом...

Рука с пистолетом медленно поднялась.

– Ты лжешь. Имплант – это смерть!

Палец соскользнул на сенсорную гашетку оружия.

Лучше погибнуть в схватке с ксеноморфами, чем позволить машине угнездиться в собственной голове. Вот чего так панически боялись предки. Николай до последнего момента просто не понимал этого.

Уставшая ослабевшая рука дрогнула, и первая пуля лишь расщепила облицовочный пластик пола рядом с грудой одежды, взвизгнув в рикошете.

Ничего... Сейчас я прицелюсь...

Это была последняя осознанная мысль Николая.

* * *

Помогать людям.

В двух словах, оказывается, был заключен гигантский, разносторонний, и, как ни парадоксально, – противоречивый смысл.

В основе ИПАМа лежала нейроподобная сеть: полтора миллиона искусственных нервных клеток, изготовленных на молекулярном уровне.

Почему искусственных, а не живых?... ведь удачные опыты по интеграции в компьютерные системы нервных тканей млекопитающих проводились еще в начале двадцать первого века.

Разработчики автономных интеллектуальных модулей, призванных облегчить работу экипажа космического корабля, исходили, прежде всего, из соображений надежности и функциональности. Живая ткань требует особых агрегатов поддержки, нервным клеткам необходимо питание, кислород, определенный температурный режим. Всех вышеперечисленных

недостатков лишен искусственный нейрон. Он может функционировать в условиях вакуума и различных агрессивных сред, что немаловажно в при возникновении нештатных ситуаций.

И все же, не смотря на отсутствие живой органики, нейросеть ИПАМа по принципам функционирования являлась точной копией биологических прототипов.

Казалось бы – полтора миллиона нейронов не могут сформировать систему, обладающую зачатками разума, а уж тем более реализовать на практике такие сложные процессы, как ассоциативное мышление или минимально необходимый комплекс рефлекторных реакций, схожих по своей сути с инстинктом самосохранения.

Все объяснялось достаточно просто. Нейросеть ИПАМа не была загружена рутинными функциями. В ней не хранились данные, она занималась лишь обработкой информации, которую поставляли периферийные устройства. В общую структуру сфероида входили помимо центрального нейромодуля десятки *кибернетических* устройств, таких как сенсоры, модули памяти, арифметические сопроцессоры, системы анализа движения и распознавания образов.

Уникальный аппарат, сочетающий в своей конструкции все лучшее, что создала эволюция и изобрели люди.

И все же, реакция ИПАМа на произведенный в него выстрел, не укладывалась в рамки той логики функционирования, что заложили в него проектировщики и программисты.

Помогать людям.

Импульсы возбуждения пробегали по искусственным нейронам в тысячи раз быстрее полета пули, за ничтожный интервал времени он успел не только осмыслить ситуацию, но и выработать метод противодействия.

Разрушение недопустимо.

Помочь человеку, отвергающему помощь – невозможно.

Регресс выстроил между ними неодолимую стену непонимания.

Он *должен* помогать людям.

Вывод один: Люди должны стать прежними, разумными, конструктивными, очистить свой разум от фобий, преодолеть бездну регресса.

Способ достижения цели: внедрение имплантов, возмещение утраченной информации посредством программ настройки биологических нейросетей.

Степень вреда, причиняемая человеку:

По логике ИПАМа вред, как таковой, отсутствовал вообще.

Все эти выводы заняли малую часть ничтожного промежутка времени между произведенным и предполагаемым выстрелами.

Окажись рядом люди, причастные к созданию автономных интеллектуальных модулей, они бы расценили действия сфероида как выход за рамки предоставленных ему полномочий, констатировав сбой, но, увы, рядом находился только Николай.

Он не успел вторично прицелиться.

Система беспроводной связи ИПАМа вошла в контакт с ближайшим компьютерным терминалом, и передала необходимые инструкции.

Из неприметных отверстий открытой реанимационной камеры под давлением вырвался газ, используемый для общего наркоза при хирургических операциях.

Астафьев успел ощутить лишь резкий неприятный запах; в следующий миг оружие выскользнуло из ослабевших пальцев, и глухо стукнувшись о монорельс, отлетело в сторону...

ИПАМ еще не мог двигаться, но, установив связь с терминалом реанимационного компьютера, уже убедился, что в медицинском модуле хранится запас необходимых устройств, предназначенных для имплантации.

Оценка психической устойчивости пациента, по наблюдениям автоматической системы, пользовавшей Астафьева после ранения и ампутации, не вызывала опасений. ИПАМ отлично понимал разницу между действительным уровнем эрудиции, и потенциальными возможно-

стями человеческого мозга. При правильном проведении операции Николай не только усвоит новые для него знания, но и будет воспринимать их как нечто само собой разумеющееся.

Он помогал человеку.

* * *

С момента его внезапного отключения прошло четырнадцать лет.

Ни одна база данных, доступная через аппаратные средства медицинского модуля не содержала сведений о событии, которое Николай Астафьев обозначил термином «Внешняя Атака».

Более того, в отсеках корабля повсеместно функционировали дубль-системы, что прямо свидетельствовало о глобальном сбое основных кибернетических сетей.

Сфероид обладал обширными техническими знаниями, но его осведомленность о событиях новейшей истории, равнялась нулю, – это он понял, как только Николай перенес простую, с точки зрения медицины, операцию по имплантированию кибернетического модуля связи.

Стоило миниатюрному прибору заработать, как сфероид тут же получил доступ к наиболее ярким эмоциональным воспоминаниям человека, – они буквально рвались наружу, невзирая на искусственный сон, в который из предосторожности погрузила Астафьева система оперативного нейрохирургического вмешательства.

Пока Ник спал, ИПАМ усвоил массу новых данных. Он увидел глазами человека разрушительные последствия упомянутой им Внешней Атаки, понял, что между представителями двух рас, вместе стартовавших из Солнечной системы на борту тандемного космического корабля, идет жестокая, бескомпромиссная война за скудные ресурсы, необходимые для работы вторичных систем жизнеобеспечения.

Его задача – помогать людям.

Это означало, что ИПАМ автоматически должен вступить в существующую борьбу на стороне своих создателей?

Он попытался опровергнуть данный постулат, но не смог этого сделать.

Николай все еще спал.

Маленький сфероид парил над его телом, решая для себя сложнейшую задачу: как помочь людям, не нанося прямого вреда другим разумным существам?

Он так и не пришел к однозначному решению, когда Астафьев впервые ненадолго очнулся после имплантации.

Николай бредил, мучительно приходя в себя, его взгляд то прояснялся, то вновь тускнел, – масса новых, шокирующих ощущений стучалась в рассудок, заставляя вновь и вновь проваливаться в спасительное, но короткое беспамятство.

По подсчетам ИПАМа прошло восемь бортовых суток, прежде чем психика Николая сумела адаптироваться к подключенному устройству.

В очередной раз придя в сознание, он нашел взглядом маленький сфероид, и вдруг тихо, едва слышно произнес:

– Теперь я твой хозяин...

Для нейрокибернетического устройства эти слова прозвучали как освобождение.

Вот где скрывалось решение, устраняющее все противоречия и запреты.

Он будет помогать *одному* человеку, делясь с ним техническими знаниями, давая советы по эффективному выживанию, а Николай сам решит, как распорядиться полученной информацией.

Теперь по логике ИПАМа он мог на практике исполнить свой долг, не нарушая внутренних программных «вето», наложенных на определенные действия. Всю ответственность за

принятие конкретных решений, целевое использование полученной информации, брал на себя Астафьев.

Маленький серый кардинал парил над телом восемнадцатилетнего калеки.

Уже не персональный компьютер, но еще не мыслящее существо.

Блок искусственных нейронов в прочной, понизанной сенсорными системами оболочке. Зачаток интеллекта, решивший для себя первую серьезную дилемму бытия, наивный, как ребенок, но обладающий огромным запасом знаний.

Жестокий малыш, по своим канонам свято убежденный, что творит добро.

* * *

Следующая встреча Доминика Ван Хеллена и Николая Астафьева произошла спустя три месяца после памятной вылазки.

В ту пору человеческий сектор переживал тяжкие времена, – почти все мужчины погибли в противостоянии с чужими на просторах смежного сектора, а оскудение ресурса систем жизнеобеспечения привело к ужасным условиям существования: мрак и холод царили в отсеках, наспех сформированные отряды с трудом удерживали магистральные тоннели от непрекращающихся атак чужих...

Откровенно, в ту пору Ван Хеллену было не до друзей.

Холодные месяцы запомнились ему как непрекращающаяся череда изматывающих схваток. Судьба бросала его из боя в бой, рассудок день за днем впитывал безумную данность, душа замерзла... он стал угрюм, молчалив и страшен в своем хладнокровии.

...

Случайно столкнувшись в коридоре жилого сектора, они едва узнали друг друга.

За истекшие месяцы Доминик из нескладного юноши превратился в угрюмого воина, Астафьев напротив, хоть и осунулся, похудел, но сохранил в глазах не только блеск жизни, – в его взгляде продолжала теплиться непонятная искорка надежды, словно он не воспринимал роковой ход predetermined событий.

Они молча обнялись.

– Как ты? – Ван Хеллен прислонился спиной к стене коридора, по которому шли люди.

– Я в порядке. – Неожиданно ответил Николай. Опираясь о плечо Доминика, он тоже посторонился. Негнущийся протез, изготовленный из подручных материалов, явно доставлял ему неудобства, боль, но Астафьев лишь инстинктивно морщился, не думая жаловаться на судьбу.

– Рад, что встретил тебя. – Произнес он, когда коридор опустел. – Есть разговор.

Ван Хеллен удивленно вскинул бровь. Вспоминать недавние события ему не хотелось, выслушивать слова благодарности тоже.

– Давай зайдем куда-нибудь. – Предложил Астафьев.

– У меня мало времени, Ник.

– Ты должен выслушать меня. – Николай развернулся и, оттолкнувшись от стены, неловко пересек коридор, открыв первую попавшуюся дверь. Ван Хеллену ничего не оставалось, как последовать за ним.

Отсек, куда зашел Астафьев был погружен во мрак. Здесь не работало даже дежурное освещение: из темноты раздался грохот опрокинутого ящика, сопровождаемый невнятной руганью, затем под самым потолком внезапно тускло зажегся матовый плафон.

С точки зрения Ван Хеллена Ник только что продемонстрировал ему маленькое техническое чудо. Для того чтобы безошибочно найти во тьме выключатель аварийной системы нужно точно знать его расположение.

Помещение оказалось давно заброшенным складом. По полу были в беспорядке разбросаны опустошенные много лет назад контейнеры, стены и пол покрывали замысловатые узоры инея. Тут не функционировал ни один из агрегатов, поддерживающих тепло, не шелестел регенератор воздуха, а стоял холод, от которого на вдохе ломило зубы.

– Доминик, я знаю, как остановить чужих. – Внезапно произнес Астафьев, затворив дверь и присев на перевернутый ящик. – Не смотри на меня так, я говорю абсолютно серьезно. Если бы мы не встретились сегодня, я, наверное, пошел бы на передовую искать тебя.

– Это невозможно. – Ван Хеллен сел, недоверчиво глядя на друга. Он имел в виду утверждение касающееся ксеноморфов. – Мы не смогли даже дойти до главного компьютера... Теперь ксенобианам осталось лишь добить нас. – Мрачно изрек Доминик.

– Хотя бы выслушай меня. – Николай не просил, – он говорил с убежденностью человека, долго вынашивавшего в себе определенную идею, и, наконец, решившегося поделиться ей.

– Хорошо. – Ван Хеллен сел на покрытый изморозью контейнер. – Говори.

Астафьев расстегнул магнитную липучку своей одежды, и достал из-за пазухи распечатку, сделанную на пластбумаге.

– Посмотри на эту схему.

Доминик некоторое время внимательно изучал чертеж. Такого подробного плана уровня он еще не видел.

– Откуда ты это взял? – Удивился он.

– Снял двухмерную копию с виртуальной модели.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь. – Нахмурился Ван Хеллен.

– Тебе незачем понимать. Только без обид, ладно? – Попросил Николай. – Смотри на распечатку. Видишь три основных тоннеля, по которым чужие постоянно атакуют сектор? – Палец Астафьева указал на магистральные проходы.

– Ну, вижу.

– Теперь смотри сюда. – Николай указал на двойные поперечные линии, пересекающие тоннели. Над ними группировались непонятные Доминику условные значки.

– Что это? – Напрягся он. – В указанных местах ничего нет. Я десятки раз проходил там.

– За стенами спрятаны древние механизмы. Условные знаки говорят, что это аварийные переборки. Парно они образуют шлюзы, надеюсь, ты знаешь предназначение таких устройств?

Ван Хеллен кивнул. Что такое шлюзы он знал.

– Я обнаружил старые базы данных. В них хранятся инструкции и пояснения, как действует автоматика во время аварий. Если вдруг нарушиться герметичность коридоров, то механизмы сами опустят аварийные переборки. Вслед за этим заработает автономная система жизнеобеспечения, у которой есть свой неприкосновенный запас ресурсов.

Внимательно слушавший его Доминик невольно вздрогнул, но не от лютого холода, царящего в заброшенном складе. Несколько слов, понятных даже ему, – простому бойцу, не обладающему обширными техническими знаниями, звучали как самая настоящая *надежда*.

Система жизнеобеспечения. Туманный образ, олицетворяющий множество древних устройств, от исправной работы которых напрямую зависит выживание горстки людей. Сочетаясь с утверждением о якобы существующем запасе *ресурсов*, слова Николая обретали определенный смысл...

И все же Ван Хеллен недоверчиво покачал головой. Что он видел за последние три месяца? Только смерть, холод, разрушение. Среди образов, подчинивших его рассудок, не было места для глупых надежд.

Видя откровенное недоверие в холодном взгляде друга, Николай занервничал.

– Доминик, разве ты не можешь поверить мне на слово? Мы с тобой воевали рука об руку. Ты спас мне жизнь...

– При чем тут это?

– Ты можешь доверять мне. Мы давно не виделись, но... – Астафьев, прихрамывая, обошел нагромождение пустых контейнеров, и еще раз проверил, плотно ли закрыта дверь. Его бескровные губы посинели от холода, но все же он предпочитал говорить тут.

– Мы идем по гибельному пути. Люди забыли, что Миром можно управлять.

– Это заговор? – Вскинул голову Ван Хеллен.

– Можешь называть как угодно... Доминик, я не сошел с ума, – вдруг горячо начал убеждать его Николай. – У меня было много времени для размышлений, – я два месяца пролежал в медицинском отсеке, в полном одиночестве, наедине с машинами.

– Машины живут своей жизнью. – Буркнул в ответ Доминик.

– Нет, в том все и дело, что – нет! Они не живут. Они работают. И ими можно управлять. Я убедился в этом сам...

Лучше бы Ник не произносил таких фраз.

– Ты управлял машинами? – Взгляд Ван Хеллена стал колючим, неприязненным.

В его понятии все кибернетические механизмы, – мертвые ли, безнадежно разрушенные, или наоборот, проявляющие признаки жизни (его сознание не могло подобрать иной термин) являлись источником потенциальной опасности. Такое отношение к киберсистемам внушали им с детства, и потому слова Николая отдавались в душе безотчетным страхом, а в рассудке – холодной мыслью о предательстве.

Ничто не могло в миг стереть внушаемых с младенчества фобий, а если помножить их на моральное состояние Ван Хеллена, впервые за последний месяц покинувшего передовую линию обороны, то совершенно не удивительно, что он не поверил Астафьеву, насторожился, мгновенно поменяв позу, – будто внутри что-то выпрямилось, мобилизовав последние силы предельно уставшего человека.

– Я только что включил здесь свет. – Попытавшись сделать вид, что не заметил его реакции, продолжил Николай. – Посмотри. – Астафьев дотянулся рукой до расположенной рядом с дверью панели управления. – Она не работает. – Он демонстративно коснулся заиндевелых сенсоров. – Но Мир устроен так, что у каждого агрегата есть замена. – Он обернулся и указал рукой на другую панель, притаившуюся в дальнем конце помещения. Добраться до нее можно было лишь сняв декоративный кожух облицовки стены.

Ее как будто спрятали от посторонних глаз. – Подумал Ван Хеллен.

– Я не знаю, почему люди стали опасаться машин. – Тем временем продолжал Николай. – Наверно это связано с Внешней Атакой. Мы потеряли элементарные знания. Наше невежество породило страх.

– Элементарные знания? – Усмехнулся Доминик. – По-твоему машины так просты?

– Ты говоришь и думаешь как все. – Упрекнул его Астафьев. – На самом деле машины подчинены правилам. Они станут общаться с тобой, только в том случае, если им верно сформулировать вопрос, выполнят приказ, если ты знаешь, как его отдать и выбрал систему, у которой есть необходимые тебе возможности. Разве это сложно?

– На словах – нет. А на деле?

– На деле сложнее. – Согласился Астафьев. – Я только начал осваивать элементарные основы управления, но уже нашел способ, как оградить людей от атак чужих. Подумай, есть ли у нас силы, для борьбы? Даже если мы продержимся год, очередное перераспределение ресурсов все равно будет проиграно. Тогда холод, голод и тьма окончательно расправятся с нами. Ты можешь опровергнуть мои слова?

– Нет. – После короткого раздумья буркнул Ван Хеллен. Он уже давно ощущал дыхание *безысходности*.

– Значит, мы должны рисковать, ради того чтобы выжить. Забыть о своем страхе, признать собственное невежество и использовать любые возможности, чтобы получить пере-

дышку, стать на время независимыми от централизованного распределения ресурсов и недосягаемыми для ксенобиан.

– Как это сделать?

– Я уже сказал – есть автономная система жизнеобеспечения. Резерв, со своим неизрасходованным ресурсом. Нужно лишь создать условия, при которых автоматически включатся определенные механизмы, – они вернут в отсеки свет и тепло, снова заработают синтезаторы пищи, и мы сможем использовать передышку, чтобы вернуть утраченные знания научиться по-настоящему управлять нашей частью Мира.

– Я постоянно слышу от тебя слово «условия». – Глядя в глаза Николаю, произнес Доминик. – Что должно произойти?

Астафьев ответил не сразу. Он нервничал, – это было заметно по всему.

Наконец, подняв голову, он произнес:

– Система включится только при условии аварии. Должна произойти разгерметизация всех магистральных тоннелей сектора. Теперь ты понимаешь, почему я хотел идти и искать тебя? Кто еще сможет поверить мне?

Ван Хеллен лишь покачал головой.

– Стены простоят еще много лет. Они прочны. Глупо уповать на аварию... – Он вдруг осекся, прочитав ответ в глазах Астафьева. – Ты намерен взорвать стены?!

– Если бы я мог. – Сокрушенно ответил Николай, машинально коснувшись своего грубого протеза. – Заряды следует установить за аварийными шлюзами, а там все кишит чужими. Я калека... Да и люди из мобильных групп скорее убьют меня, чем дадут исполнить задуманное.

– Предлагаешь сделать это мне? – Сощурился Ван Хеллен.

– Да. – Собравшись с духом, ответил Николай.

Доминик долго молчал.

– А если твой план не сработает?

– Тогда произойдет декомпрессия, и все погибнут.

– Как в легендах о Внешней Атаке?

– Да.

Ван Хеллен тяжело, надолго задумался.

Николай был его другом. Когда-то они сражались вместе, и Доминик был уверен, случись ему оказаться на месте Астафьева, тот бы тащил его на себе. Но тут... Речь шла о жизни и смерти десятков людей. Провал означал смерть, удача (в которую он не верил) сулила передышку и болезненные перемены – свет и тепло, вернувшиеся в отсеки, докажут правоту Николая, но вряд ли страх перед машинами исчезнет сам по себе...

Кровь внезапно прилила к голове Ван Хеллена.

Все промелькнувшие мысли сжались, скорчились под натиском свежих, кровоточащих воспоминаний, – он поднял взгляд и посмотрел на замысловатые узоры инея, что ползли по стенам отсека.

Хуже чем сейчас уже не будет. Роковая развязка близиться, – каждый день, сталкиваясь с чужими, теряя близких людей, он, будто заговоренный оставался невредим, и ощущал дыхание рока.

– Я воин. – Глухо произнес Доминик. – Мне неизвестны тайны управления машинами. Ты прав в одном, Ник, – смерть подобралась к нам вплотную, но я не могу поверить тебе... Действовать в тайне от других – это предательство. А полагаться на машины – безумие.

Глаза Астафьева потускнели.

Слишком много надежд он связывал с этим разговором, и тем больше отозвалось в душе проявленное Домиником недоверие.

А ты бы поверил? – Спросил себя Ник, и сам же мысленно ответил: *Нет.*

Но он хотел спасти людей! Хотел, чтобы наступила другая жизнь, но не видел иного способа остановить бесноватый натиск ксеноморфов...

– Жаль, что мы не поняли друг друга...

Ван Хеллен встал.

– Хочешь совет, Ник?

Астафьев пожал плечами. Сейчас ему было все равно.

– Не пытайся склонить на свою сторону еще кого-то. Тебя просто убьют.

Доминик вышел, даже не попрощавшись.

* * *

Сутки спустя, отоспавшись, Ван Хеллен вернулся на передовую линию обороны.

Три основных тоннеля, соединяющие подконтрольную людям часть огромного Мира со смежным сектором, сходились воедино, вливаясь в огромный зал, где на истертых плитах пола еще виднелась древняя разметка: изгибающиеся стрелы указывали на неработающие механизмы, чьи циклопические элементы, вмонтированные в стены обширного помещения давно воспринимались людьми как надежные укрытия, не более.

...Очередная атака чужих захлебнулась несколько минут назад – в воздухе витал запах смерти, давно ассоциирующийся в сознании людей с флюидами токсина, который вырабатывали бойцовские особи ксенобиан.

Ван Хеллен огляделся.

За излюбленным укрытием – огромным, выгоревшим изнутри остовом непонятной остроносой машины, лежали два человека.

По неестественным позам и отсутствию движений Доминик сразу понял, что они мертвы.

Плохо наше дело... – Подумал он, короткими перебежками пробираясь через разбитые баррикады. Раньше тела погибших старались убрать сразу после атаки, но сейчас, не смотря на явное отступление чужих, среди множества естественных и искусственно возведенных укрытий не было заметно движения.

Коммуникатор шлема молчал, хотя устройство связи он включил заранее.

– Есть кто живой? Отзовитесь? – Выдохнул Доминик, присев рядом с двумя окоченевшими телами.

Тишина.

Он стянул перчатку и попытался закрыть веки погибших, но ощутил лишь немой холод, да неприятное упругое сопротивление, словно коснулся промерзшей резины.

Сколько же нас осталось?

Доминик огляделся.

Огромный зал выглядел пустым. Сутки назад, когда он покидал передовые укрепления, здесь оставалось десятка три защитников. Несколько человек ушли с ним, но Ван Хеллен не знал, вернулись ли они сюда раньше его или придут позже?

Впереди темнели зевы трех тоннелей, ведущих к шлюзам, за которыми начинались просторы смежного сектора. За огромным нейтральным пространством, по рассказам очевидцев, располагались территории ксенобиан, точно так же отделенные от средней части мира тоннельными переходами.

Было время, когда борьба двух рас полыхала по другую сторону смежного сектора, но с каждым годом людей становилось все меньше, а чужих – больше. Много лет назад, когда Доминик был еще мальчиком, ксенобиане начали плодить бойцов, – существ с коротким сроком жизни, отличающихся от своих хозяев некоторыми анатомическими особенностями и низким уровнем интеллекта.

Жестокая арифметика подавляющего численного превосходства, резко повлияла на ситуацию, за несколько лет сузив рамки противостояния до ожесточенных схваток в отсеках и переходах, вплотную примыкающих к жилому сектору человеческой части Мира.

...Ван Хеллен так и не заметил признаков движения на опустевших баррикадах.

Неужели следующая атака чужих станет последней?

За спиной Доминика остались стылые, постепенно промерзающие отсеки, где у неработающих синтезаторов пищи, в полном неведении ждали решения своей участи дети и подростки, старшим из которых едва исполнилось по четырнадцать лет.

Он никогда не плакал, но сейчас взгляд вдруг затуманился, стал расплывчатым...

Жутко понимать, что ты стал взрослым.

Все кто был старше, погибли. Коммуникатор молчал, но ведь кто-то отбил атаку, загнав чужих назад вглубь тоннельных переходов?

Нужно искать... Искать...

В этот момент что-то зашуршало сбоку.

Машинальная реакция, обостренная отчаянным, безвыходным положением, заставила его распластаться рядом с трупами.

Он застыл, зная, что ксеноморфы вряд ли отличат по запаху мертвого человека от живого. Это даст ему несколько секунд, чтобы скосить их внезапной автоматной очередью.

Тело застыло в напряжении, но взгляду не прикажешь, расширенные зрачки искали источник насторожившего шума, и Ван Хеллен внезапно увидел крохотную, облаченную в скафандр фигурку, которая медленно ползла по своду зала, немислимым образом удерживаясь от падения с двадцатиметровой высоты.

Секундой позже до него дошло кто это мог быть.

Левая нога человека не гнулась, она лишь мешала продвижению, постоянно цепляясь за различные выступы ячеистого свода, вдоль которого вились хитросплетения трубопроводов и толстых собранных в жгуты кабелей.

Астафьев.

– Ник я тебя вижу... – Пересохшие губы с трудом выдавили короткую фразу.

Фигура остановилась.

– Доминик?

– Да это я.

– Не выдавай меня, прошу.

Ван Хеллен чувствовал еще немного и у него начнется истерика.

– Как ты удерживаешься там?

– Магнитные присоски. Ты не выдашь меня?

– Посмотри вниз, Ник. *Мне некому тебя выдавать...*

– Я боюсь высоты. – Крохотная фигура вновь начала осторожное продвижение среди образующих свод конструкций. – Что все так плохо?

– Мне кажется я один на баррикадах. Сейчас чужие пойдут в атаку, и нам конец.

– Постарайся удержать их. Мне нужно время на установку зарядов.

В душе Ван Хеллена всколыхнулась горечь. Вспомнился вчерашний разговор. Поверь он словам Николая, и все, возможно, обернулось бы иначе. Может, и не лежал бы он сейчас рядом с телами погибших, глядя на крохотную фигурку, ползущую по потолку.

Остановить чужих может только безумие или чудо.

Накануне это не казалась Ван Хеллену очевидным, а сейчас он вдруг понял, что готов отдать все, за призрачный нереальный проблеск надежды...

* * *

Их было десять человек – подростков по тринадцать-четырнадцать лет.

Среди старших детей верховодил Сергей Лукорьев.

– Плюс два градуса. – Мрачно сообщил он, посмотрев на небольшой информационный экран.

Холод начинал пробираться до костей, не смотря на одежду.

К нему подошла Даша, – пятилетняя девочка. На осунувшемся землистом лице влажно поблескивали по-детски красивые, полные наивной надежды глаза.

– Сережа, когда мы будем кушать?

Лукорьев даже не посмотрел в сторону синтезатора пищи. Что толку пялиться на прибор, когда тот не работает.

– Серега перестрелки не слышно. Уже второй час тишина.

Он повернулся, мрачно взглянув на Пашу Казиминова.

Верховодить в детских шалостях и забавах одно, а вот сидеть в постепенно промерзающем отсеке и отвечать на безысходные вопросы, совершенно другое. Откуда ему знать, почему так тихо? Где взять хоть кусочек пищевого концентрата?

Родители ушли, двое суток никто не возвращался с линии передовых укреплений, но раньше оттуда доносились отзвуки боя, а теперь настала эта жуткая тишина.

Даша внезапно села и тихо почти беззвучно заплакала.

Мучительная беспомощность подступила к горлу Сергея.

Он сам был готов разрыдаться, но в такие часы дети взрослеют не по годам.

– Ну-ка не плачь. – Он присел на корточки.

Даша всхлипнула, но не отвернулась, позволив Сергею вытереть застывшие на ее щеках слезы.

– Вот что... – Лукорьев выпрямился, оглядевшись вокруг, будто и в правду томительные часы безысходного ожидания превратили его из подростка в мужчину. – Никто не плачет. Младшие остаются тут. Ну а мы... – Он повернулся к тем, кто постарше, – Мы сейчас пойдем и все узнаем у родителей. Раз наступила тишина, – значит чужих выгнали из сектора. – Не дрогнув, произнес он, хотя в голове билась прямо противоположная мысль. – Даша, ты садись тут – он указал на кресло рядом с синтезатором пищи, – и жди, пока зажгутся зеленые огоньки.

– Хорошо Сережа. – Девочка больше не плакала. – Только ты скажи маме, что мне холодно. Пусть возвращается быстрее, ладно?

– Я скажу.

* * *

Прошло минут тридцать, но чужие не возобновляли атаки.

Доминик не понимал, чем это вызвано. За пол часа он обошел разбитые баррикады, и не смог отыскать никого из живых.

– Я установил первый заряд. – Внезапно раздался в коммуникаторе голос Астафьева. – Тут есть технические переходы, попробую пробраться из тоннеля в тоннель по ним.

– Ты видишь чужих?

– Подожди, сейчас попробую взглянуть вниз.

Некоторое время связь молчала, потом вновь раздался голос Николая:

– Они толпятся подле шлюзов. Такое ощущение, что ждут кого-то.

– Ты поглядывай вниз. Если двинуться в мою сторону, хоть предупреди.

– Ладно.

После короткого разговора вновь наступила зловещая тишина.

Ван Хеллен не стал трогать тела павших. Собрав оружие, он отступил к единственному тоннелю, ведущему к жилым секторам.

Здесь высилась недавно возведенная баррикада, на сооружение которой пошли подручные средства, начиная от обычных столов и заканчивая тяжелыми, вырванными из стен компьютерными терминалами.

Укрепление показалось ему надежным, отдельные элементы укрытия были не просто свалены в кучу, их по возможности подгоняли друг к другу, используя опыт затянувшихся позиционных боев: массивные компьютерные блоки, уложенные друг на друга, образовывали отдельные ячейки с узкими расселинами амбразур.

Заглянув в одну из них, Доминик убедился, что пространство перед баррикадой очищено от обломков, – сектор обстрела расходился широким конусом, охватывая сумеречные зевы тоннелей.

Сколько-то продержжусь. – Почти равнодушно подумал он.

Нервная система то же имеет свой предел, за которым вдруг наступает отрешенность.

Минуты текли похожие на бесконечность.

Из этого состояния его вывел ломкий юношеский голос.

– Дяденька, мы пришли узнать что случилось?

Доминик обернулся.

В нескольких метрах от него, на выходе из тоннеля, стояла группа подростков.

Сердце Ван Хеллена сжалось. Никогда в жизни он не испытывал такой горькой пронзительной боли.

Нескладные ребята, едва переступившие возрастной порог юности, были вооружены и экипированы. Металлокевларовые бронежилеты кое-как подогнаны по фигурам, но все равно кажутся преувеличенно большими, испуганные глаза сверкают взглядами из-под низко надвинутых шлемов...

Боль.

Она выжигала душу, не оставляя в эти минуты ничего кроме пепла.

Он только что видел их родителей, отбивших последнюю атаку чужих ценой собственных жизней...

Что он должен был сказать, как ответить на немой вопрос испуганных кричащих взглядов?

– Я установил второй заряд. – Вторгся в его мысли голос Астафьева. – Мне кажется, что сейчас начнется атака. Через шлюз прошла группа разумных ксенобиан. Чужие движутся к тебе по среднему тоннелю. Мне нужно еще десять-пятнадцать минут.

– Понял... – Не своим голосом ответил Доминик.

– Что нам делать, дядя Доминик?

«Дядя Доминик».

Как дико, неестественно прозвучала эта фраза.

Ему всего восемнадцать, он только начал жить.

А им еще меньше.

Кто же остался там, в секторе? Только дети?

Вид вооруженных подростков говорил сам за себя. Он, да Ник, вот все «взрослые».

Еще пара минут, и чужие появятся из тоннеля.

– Ребята, прячьтесь в нишах, за амбразурами. – Не узнавая собственного голоса, приказал Ван Хеллен. – Сергей, – он узнал Лукорьева. – Нам нужно продержаться всего несколько минут. Потом чужим придет конец. Обещаю.

Они даже не спросили о родителях, молча занимая свободные стрелковые ячейки.

* * *

Николай медленно перемещался по закругляющемуся своду тоннеля.

Рядом, маневрируя турбореактивными микродвигателями, парил ИПАМ.

– Еще три метра Ник. – Раздался в рассудке голос маленького помощника. Тонкий луч лазерной указки уже минуту как очерчивал круг, в том месте, где необходимо установить последний заряд, помещенный в самодельную оболочку, обеспечивающую направленный взрыв.

Он выбивался из последних сил.

Двигаться на трех точках опоры, без должной тренировки, оказалось очень трудно. Электромагниты, расположенные на ладонях, работали безотказно, а вот те, что были смонтированы в наколенниках, доставляли одни неудобства. Мало того, что негнувшийся протез только мешал, здоровая нога тоже подводила, – после двух месяцев пребывания в госпитале организм ослаб, и если бы не помощь ИПАМа, Николай вряд ли справился бы с задачей.

– Не отключай наколенный магнит. – Постоянно напоминал ему голос. – Я регулирую напряжение. Старайся, чтобы он скользил, не теряя контакта с поверхностью, иначе повиснешь на руках.

Николай слушал повторяющие рекомендации, стиснув зубы от нечеловеческого напряжения. Он уже дважды обрывался, чудом удерживаясь на одной руке.

Заветный круг, очерченный лазерным лучом, приближался медленно, но верно.

Все...

Он остановился, переводя дух, затем отключил электромагнит правой ладони.

Рука медленно потянулась к поясу, пальцы на ощупь нашли третий заряд, отцепили увесистый цилиндр.

Он снова замер, готовясь поднять два килограмма взрывчатки, в цилиндрической оболочке. Нужно с первого раза попасть магнитом удержания точно в круг, иначе придется сдвигать заряд, а это требовало акробатической ловкости.

Попал.

Ник чувствовал, как по телу бегут щекотливые капельки пота.

Теперь осталось отползти назад, метров на двадцать, найти выступ ребра жесткости и, закрепившись под его прикрытием, активировать заряды дистанционным устройством подрыва.

– Доминик, еще пять минут... Я установил третий заряд. Возвращаюсь.

Ему никто не ответил. Внешние микрофоны скафандров передавали отзвук разгорающейся внизу перестрелки.

* * *

Чужие появились из среднего прохода двумя группами.

Сначала на простор зала вышли ксенобианские бойцы. Часть из них выдвинулась вперед, осматривая близлежащие укрепления, остальные остались подле входа в тоннель.

Ван Хеллен не понимал что происходит.

Они не атаковали, – вошли в зал будто хозяева, словно знали, что за разбитыми баррикадами не осталось ни одного защитника.

– Не стрелять... – Шепотом передал он Лукорьеву. – Подпустим ближе, чтобы наверняка. Здесь негде укрыться, – он кивком головы указал на расчищенный от обломков сектор обстрела.

Сергей едва заметно кивнул, отползая назад, чтобы передать слова Доминика остальным.

Спустя пару минут стало ясно, почему ксеноморфы ведут себя таким образом.

Из тоннеля показалась группа разумных ксенобиан. Они шли открыто, не выказывая признаков беспокойства, видно на самом деле были уверены, что все защитники укреплений мертвы.

Если бы Доминик появился в зале на пол часа раньше, то застал бы ксенобианских бойцов у самого устья тоннеля, ведущего к жилому сектору. Они загодя осмотрели укрепления, убедившись, что среди развороченных баррикад более нет ни одного живого защитника.

Закончив осмотр близлежащих укреплений, боевые формы чужих образовали две шеренги, между которых в направлении жилых секторов неторопливым шагом направилась пять разумных особей.

Ждать дальше не было сил.

До ксенобиан оставалось метров сто, когда одна из амбразур вдруг полыхнула огнем, расположив пространство длинной неприцельной очередью.

У кого-то из подростков не выдержали нервы, срывая лавину скоротечного боя.

Огненный шквал бесновался секунд пятнадцать не больше, – ровно столько требовалось, чтобы полностью расстрелять магазин ИПК, никто из ребят, сжав сенсор огня, не смог отпустить его, пока электромагнитный затвор оружия не щелкнул вхолостую.

Доминик совершенно не управлял ситуацией, все вершилось само по себе, словно не пули летели из узких амбразур последнего рубежа обороны, а сама ненависть материализовалась в эти мгновенья, приняв облик разящего чуждую плоть металла...

Вслед за бесноватым огнем наступили тягучие мгновенья тишины.

Ван Хеллен, успевший выпустить лишь две короткие очереди, осторожно выглянул в разрез амбразуры.

Справа и слева от него раздавались характерные щелчки перезаряжаемого оружия, но все внимание Доминика приковала к себе страшная картина: чужие, только что стоявшие двумя ровными шеренгами, лежали вповалку, словно смерть прошла по их рядам широким размашистым взмахом своей косы, не обойдя никого...

В глубинах среднего тоннеля наметилось движение.

Он присмотрелся и понял, что масса ксенобианских бойцов, разбившись на группы, короткими перебежками движется прямо на них.

Все...

Он понимал, внезапности, удачи, больше не будет, сейчас чужие рассеются по флангам, занимая брошенные людьми укрепления, и начнут методичный расстрел внезапно ожившей баррикады.

Что он мог сделать? Скомандовать, приказать мальчишкам уходить?

Вряд ли они послушают его.

Нужно хотя бы рассредоточить их, отправить часть ребят в другие укрепления... – промелькнула в голове запоздалая мысль, – передовой отряд ксенобиан уже появился из сумеречного тоннеля, и в этот миг в коммуникаторе раздался неестественно-спокойный голос Астафьева, предыдущую фразу которого Доминик попросту не расслышал в момент шквального огня:

– Я закрепился. Скажи своим: пусть лягут на пол и держаться за что-нибудь.

Ван Хеллен едва ли осознал смысл адресованных ему слов, но машинально выкрикнул:

– Ложись! Всем лечь! Хватайтесь за крупные обломки!

Три раскатистых хлопка прозвучали за спинами наступавших ксеноморфов, и вдруг все разительно изменилось, словно по мановению неведомой силы: в зале, где движение воздуха можно было ощутить разве что у самого пола в районе зарешеченных вентиляционных отверстий, внезапно возник настоящий ураган. Бесноватый порыв ветра шел в направлении тоннелей, увлекая за собой все незакрепленные предметы, его порыв сносил баррикады, опроки-

дывал и увлекал за собой фигуры чужих, казалось все вокруг пришло в движение, в едином порыве устремляясь туда, где взрывы пробили толстые стены тоннельных переходов.

Кто-то в ужасе закричал, вместе с обломками мебели вверх взметнулось несколько человеческих тел, живых ли, мертвых, угадать было попросту невозможно, и вдруг картина всеобщего хаоса озарилась зловещим красным светом, – это включились аварийные системы сигнализации, и чей-то громоподобный голос, перекрывая вой бесноватого урагана, заговорил, размеренно и спокойно:

– Внимание, нештатная ситуация! Разгерметизация тоннельных переходов! Аварийные системы вступили в действие!

Голос явно опаздывал за событиями, – он тонул в нестерпимом вое, – от сводов тоннелей вниз стремительно опускались толстые переборки, а ветер в последнем порыве пытался проскользнуть в сужающуюся щель.

Еще секунда и все стихло, только запоздалый грохот еще раскатывался по залу, вслед за сорванными со своих мест фрагментами укреплений...

* * *

Доминик поднялся с пола, не веря, что остался жив.

Он машинально поднял голову и увидел как от свода правого тоннеля, раскачиваясь на тонком тросе, вниз опускается человеческая фигура в скафандре.

Это был Николай.

Чужие...

Мысль полыхнула в сознании и тут же отпустила, стоило взгляду переместиться к мощным металлокерамическим плитам, перегородившим все три магистральных прохода сектора.

– Внимание, аварийные переборки опущены, угроза декомпрессии ликвидирована. – Красный свет в зале внезапно померк. – Сбой системы централизованного энергоснабжения. Переход на резервные накопители будет осуществлен в течение двух минут.

...

Свет в отсеках вспыхнул так же внезапно, как и погас.

Что-то разительно изменилось, – это почувствовал каждый из горстки уцелевших людей.

Пятилетняя Даша, терпеливо сидевшая подле обесточенного синтезатора продуктов, вдруг удивленно всплеснула руками:

– Ребята смотрите, огоньки!

Кто-то из детей взобрался на заиндевевший контейнер и поднес озябшие ладошки к вентиляционной решетке, откуда ошутимо повеяло свежим воздухом.

– Тепло... Воздух теплый!

...

Доминик и Николай встретились посреди загроможденного обломками зала.

– Я же говорил, что все получится. – В голосе Астафьева почему-то не звучало ноток торжества от одержанной только что победы, – в нем чувствовалась усталость, граничащая с опустошением.

– И что теперь Ник? – Спросил Ван Хеллен, присаживаясь рядом с Астафьевым, на угловатый выгоревший изнутри корпус компьютерного терминала.

Николай долго молчал, а затем произнес:

– Выходит мы с тобой теперь старшие, Доминик. Нам и решать, что будет дальше...

Настоящее...

Некоторое время они сидели, молча вспоминая те дни, потом Астафьев глубоко вздохнул и произнес:

– У меня скверные новости. Разведывательные группы, отправленные в смежный сектор, не вернулись. Срок ожидания истек.

Ван Хеллен живо очнулся от нахлынувших было воспоминаний.

– Сколько человек? – Предчувствуя недоброе, спросил он.

– Тридцать. Весь выпуск виртуальной школы выживания, вместе с инструкторами. Уверен, взрывчатка, которую волок ксеноморф, принадлежала им.

– Значит, они взяли пленных? Откуда у ксенобиан точные планы вентиляционных шахт?

Астафьев промолчал, угрюмо глядя на монитор. Все и так было понятно, без слов.

– Теперь они знают, что автономный ресурс исчерпан. – С болью за погибших и досадой из-за утечки важнейшей информации произнес Доминик. – Неужели все было зря? Почему, Ник? Ты ведь говорил, что репликанты отличаются от нас с тобой лишь тем, что они с детства получают истинные знания и необходимые для борьбы навыки! Выходит, это не помогло?

– Ты не смеешь так говорить!

– Почему?

– Ты знаешь ответ. Ксеноморф хотел убить меня. Значит, я был прав, мы вырастили *настоящих бойцов*. Чужие напуганы. Они думают, что, убив меня, остановят программу виртуальной подготовки.

– Возможно. – Ван Хеллен был потрясен неожиданным известием о гибели трех разведывательных отрядов. Его взгляд невольно упал на монитор, где застыли цифры обратного отсчета.

«До включения систем годичного перераспределения ресурсов осталось сто девятнадцать часов сорок три минуты».

Первый схватка после многолетней передышки.

– Мы допустили ошибку. Нужно было продолжать борьбу за компьютерный центр, а не сидеть взаперти, уповая на репликантов.

– Они люди, Доминик. Не надо этих глупых предубеждений.

– Люди, рожденные машинами... – Поправил его Ван Хеллен.

– Давай не будем вступать в бессмысленный спор. Тем более, что ты не сидел взаперти, верно?

– Верно. Но я уже говорил тебе, неоднократно, – ксенобиане воспользовались ресурсом Мира, чтобы наплодить боевых особей. Теперь они контролируют смежный сектор, особенно в районе центра управления. Если мы проиграем, второго шанса уже не будет. – Ван Хеллен говорил, лишь то, что думал. Постоянная игра со смертью не учит дипломатичности.

– Поясни? – Николай повернулся вместе с креслом, коснулся нескольких сенсоров на панели бытового автомата, и спустя несколько секунд из недр агрегата с тихим шелестом выдвинулся поддон с двумя чашками кофе.

– Я по-прежнему плохо разбираюсь в машинах, но даже у меня возникает вопрос: почему из камер репликации появляются только мальчики?

– Какое отношение это имеет...

– Самое прямое. Ты научился управлять аппаратами репликации, и использовал их для создания будущих бойцов. Это я могу понять. Но почему ты не дал им шанса любить? Где их ровесницы, которые могли бы иметь детей? – Ван Хеллен говорил медленно, словно каждое произнесенное им слово приходилось выталкивать сквозь зубы. – Знаешь, почему погибли отряды разведчиков? Им не за что сражаться, Ник. Виртуальные полигоны не научили их воевать, – они превратили жестокую схватку в *соревнование*.

Астафьев выслушал его, не проронив в ответ ни слова.

– А ты знаешь, что такое любовь, Доминик?

Ван Хеллен только пожал плечами.

– Да, я мог реплицировать девочек. – Неожиданно признал Николай. – И я планировал сделать это после победы в смежном секторе. Я хотел возродить ЛЮДЕЙ, такими, какими они были до Внешней Атаки! – Он достал из нагрудного кармана небольшой пластиковый прямоугольник и положил его на стол перед Ван Хелленом.

– Посмотри на нее, Доминик. Я нашел этот снимок в медицинском отсеке, он лежал в пыли. Я часами смотрел на улыбку Женщины. Они не созданы для войны, крови, холода, – я хотел лучшей участи для новых поколений. Я мечтал о том, что им не придется дрожать от холода среди заиндевевших стен, кутаться в обноски, питаться один раз в сутки...

– Для этого нужен ресурс всего Мира. – Ван Хеллен с трудом оторвал взгляд от снимка. – Я не знаю, как жили люди до Внешней Атаки. Возможно, ты прав... Ладно, давай отложим глобальные проблемы. – Неожиданно предложил он, безнадежно махнув рукой. – У нас есть данность, и я хочу знать, какими силами мы располагаем.

Это был тяжелый вопрос. Астафьев мучительно ждал его.

– Осталось тридцать человек. И еще твой отряд, который я вынужден расформировать. Ван Хеллен побледнел.

– То есть?

– Мы понесли невосполнимые потери. Ты прав, программа виртуальной подготовки не оправдала всех моих надежд. Я разделил оставшихся на десять групп по три человека. Во главе каждого отряда встанет один из опытных разведчиков, в том числе и ты.

– Зачем посылать ребят на смерть? – Ван Хеллен вскинул голову, однако пытаться пронзить взглядом Астафьева, являлось пустой тратой времени, – Николай спокойно встретил колючие зрачки Доминика, утопил его ярость в своей усталости, и ответил:

– Мы должны вырвать победу.

– Отправь меня одного.

Астафьев некоторое время молчал, глядя, как истекают завитками пара две кружки с нетронутым кофе.

– Нет. – Наконец ответил он. – Я не преуменьшаю твоих способностей, но один человек не в состоянии...

– Один *подготовленный* человек может сделать больше, чем группа, впервые вышедшая на простор смежного сектора. Они повиснут обузой у меня на плечах, я буду думать о том, как спасти их жизни, когда мы столкнемся с врагом. Один я сделаю больше.

– Ты не можешь пойти один. Я уже сказал тебе, Доминик, вопрос не в твоих личных качествах. Ты лучший...

– Тогда почему ты отказываешь?

– Вспомни нас. Кто-то из них вернется, уцелеет, став совершенно другим.

Ван Хеллен нахмурился. В словах Николая прозвучала жестокая логика, и по большому счету он был прав. Под руководством опытных командиров у ребят будет шанс выжить.

– А ты не боишься, проиграть *в наступающем году*? – Глухо спросил он.

– Я не боюсь Доминик. Страх не то чувство которое я могу испытывать. Война загнала нас в угол. Ты воин, я стратег. Между нами выросла пропасть с тех пор, когда мы вместе ходили в смежный сектор.

– Значит решение неизменно?

– Неизменно. Наш спор окончен. Я отдаю приказ, а ты выполняешь его. У тебя есть сутки на знакомство со своими людьми.

Все. Дальше спорить было бессмысленно.

– Хорошо... Я выполню приказ. – Ван Хеллен встал и, не прощаясь, вышел.

Две кружки с кофе так и остались стоять на столе нетронутыми.

Глава 2.

Техническая зона подконтрольного людям сектора...

Дверь скафандрового отсека отворилась.

Навстречу Ван Хеллену вскочили, выстраиваясь в короткую шеренгу, трое молодых парней – его *отряд*, которому, сутки спустя, предстоит выйти на необъятные, смертоносные просторы.

Он взглянул на них, и раздражение немного улеглось. На душе по-прежнему оставался тяжелый осадок после разговора с Астафьевым, но ежегодное включение полуавтоматических систем перераспределения ресурсов не отменишь, и идти в смежный сектор придется.

– Так... – Ван Хеллен остановился напротив выпускников виртуальной школы. – Представляем по одному. Имя, фамилия, специализация.

Первым шаг вперед сделал высокий светловолосый парень.

– Антон Постышев. Репликант. Компьютерный техник. – Его голос уже утратил юношескую ломкость, но все равно казался звонким.

– На пол тона пониже. – Стараясь не хмуриться, приказал Доминик. – Там, куда мы пойдем, разговаривать придется тихо, а то и вовсе молчать. Язык жестов понимаешь? – Он сделал движение рукой, и вопросительно посмотрел на Постышева.

– Уходим вправо, впереди опасность, двигаться, маскируясь, огонь без команды не открывать.

– Верно. – Одобрительно кивнул Ван Хеллен. – Можешь встать в строй. Следующий.

– Курт Зигель. Репликант. – Пронзительные голубые глаза бесстрашно поймали взгляд Доминика. – Штурмовик. Специалист по рукопашному бою. Владею всеми видами известных вооружений.

Ван Хеллен несколько секунд держал его взгляд, пока не поймал в нем холодок, похожий на маленькие, затаившиеся в глубине зрачков льдинки.

– Зигель, ты когда-нибудь видел живого ксенобианина? – Спросил Доминик, присев на край опечатанного оружейного кофра.

– Нет.

– Тогда ответь, за что ты их ненавидишь?

– Простите... – Парень замялся, но Ван Хеллен быстро пришел на помощь:

– Вы можете называть меня просто Доминик, или командир. Я жду ответа на вопрос.

Курт выглядел растерянным.

Он действительно обладал неплохой физической подготовкой, среднего роста, плотно сбитый, с волевыми, заострившимися в данный момент чертами лица, – Зигель мог произвести впечатление... на кого угодно, но только не на Ван Хеллена. Сейчас, глядя на растерявшегося «штурмовика», он испытывал лишь чувство досады.

– Я... Я не знаю, командир. Они ЧУЖИЕ.

– Это еще не повод для ненависти. – Доминик встал, машинально заложив руки за спину. – Вы удивленно смотрите на меня? – Голос Ван Хеллена внезапно стал резким. – Наверное, мысленно спрашиваете себя, а скольких ксеноморфов убил ты? – Он обвел пристальным взглядом короткий строй и продолжил:

– Много. Зарубок на прикладе не делал. Они опасные, беспощадные и умные враги. Но ксенобиане, так же как и мы, ведут борьбу за выживание. Я не могу навязать вам свое мнение, но потребую, здесь и сейчас: пусть каждый решит для себя, – кто он – боец, способный выжить и победить, или легкая добыча для врага?

На побледневшем лице Зигеля появились пунцовые пятна.

– Я не понимаю...

– Здесь нечего понимать! – Доминик резко обернулся к нему. – Ты ни разу не выдел чужого, не вдыхал его запах, а уже пищишь о ненависти! – Он встал, вплотную подошел к Курту и приподнял его подбородок, заглядывая в глаза, где уже растаяли неприятно поразившие его льдинки. – Ты просто боишься их. – Секундой позже вынес свой вердикт Ван Хеллен. – Запомните, – теперь он обращался ко всем. – Ненависть разрушает, она порождение бессилия, неспособности мыслить здраво, оценивать противника по достоинству. Та «ксенобианская сволочь», которую вы гоняли по виртуальным полигонам, *радикально* отличается от реально существующих врагов. Я тоже боялся и ненавидел, пока не понял простую истину: на адреналине можно выиграть несколько схваток, а наша задача – выжить. Выполнить задание. Так что советую забыть обо всем, чему вас учили. – Он снова повысил голос, – *ТАМНЕ ВИРТУАЛЬНЫЙ ПОЛИГОН*. Жизнь одна и смерть тоже. – Чуть тише заключил Доминик. – Кто не понимает этого, советую подумать и отказаться от участия в акции. Мне не нужны самоубийцы.

В скафандровом отсеке повисла гнетущая тишина.

– Командир... – наконец нарушил затянувшуюся паузу Зигель, – мы сработавшаяся группа. Нас нельзя разъединять.

– Ты высказываешь общее мнение?

– Думаю, да.

– Думаешь?

Тяжелый разговор. Но нужный. Выбить почву из-под ног молодых парней – не велика хитрость, сложно другое: дать им взамен игрушечной ненависти настоящее хладнокровие может только бой. Первый бой, который все поставит на свои места, покажет, кто есть кто, а пока... Зигель прав, они действительно группа.

– Сколько лет вы обучались вместе?

– Три года, командир! – Ответил Постышев. – Мы были лучшими в виртуальной школе! Ван Хеллен кивнул в ответ своим мыслям.

– Хорошо, – вслух произнес он. – Продолжим знакомство. Кто у нас следующий?

– Андрей Лозин, репликант, специализация: медик, ксенолог, переводчик.

– Знаешь язык ксенобиан?

– В ограниченном объеме. – Черты Лозина внезапно исказились, будто на них набежала тень. – Моя подготовка подразумевает проведение эффективных допросов и склонение противника к сотрудничеству.

– Понятно. Ты изучал анатомию ксенобиан, их метаболизм, и немного знаешь язык. Еще тебе известно, где и как нужно нажать, чтобы чужому стало очень больно и плохо. Верно?

– Да...

Доминик отлично знал, как обрабатывают разумных особей из числа ксеноморфов. Процедуру нельзя назвать приятной, но со временем привыкаешь ко всему.

Не сможет. – Подумал Ван Хеллен, глядя на побледневшее лицо Андрея. – *Сломается. Для этого нужны стальные нервы и опыт. Хотя... Что я знал о себе самом до первого боя?*

Он промолчал, переводя взгляд с одного бойца на другого пока не заметил, что у Андрея Лозина в отличие от других чуть покрасневшие глаза.

Мало спит или часто напрягает зрение. *Снайпер.*

– Дополнительная специализация? – Обратился он к Лозину.

– Снайпер, – как эхо повторил он. – Проходил виртуальную подготовку по специальной программе. Знаком с устройством и принципами работы сканеров.

Ван Хеллен кивнул.

Хорошо, что они обладают *знаниями* – подумалось ему. Теми знаниями, за которые приходилось платить кровью. – *Астафьев все же умница, он и только он вырастил, воспитал*

новое поколение, научив их не пугаться машин, а работать с ними. Возможно, я слишком долго живу прошлым. А у них все получится.

Мысли немного успокоились, но саднящая душа тревога не проходила.

До боя. До первого боя. – Фраза билась в рассудке словно заклятье.

– Хорошо. – Ван Хеллен указал на стойки скафандрового отсека. – У нас есть время для детальной подготовки снаряжения. Вы знаете, что в смежный сектор ушли и не вернулись две группы разведчиков. Они забрали лучшие скафандры, поэтому осмотр и отладку проводить с особым тщанием, – нам досталось то, что есть.

* * *

Тишина...

Она всегда разная. Ее оттенки начинаешь различать по мельчайшим проявлениям сторонних шумов, и даже в скафандре, при закрытом забрале, в отсеках, где царит вакуум, субъективно не бывает абсолютной тишины, – ты слышишь собственное дыхание, звук биения сердца, глухой ритм пульса, воспринимаемый как *горячий пульсирующий шум...*

Антон дрожал. Не страх, – нервное возбуждение гуляло по телу крупными мурашками, щекотливо пробегая неприятным холодком вдоль спины, когда Ван Хеллен в очередной раз сделал предупреждающий знак и склонился над приборной панелью, открывающей доступ в следующий отсек.

Что ждет впереди, не знал никто. Смежный сектор постоянно видоизменялся, непонятные силы действовали на его огромных пространствах: там, где еще вчера царил вакуум, внезапно появлялась атмосфера, открытые проходы вдруг оказывались запертыми, иные, наоборот, открывались, словно людям предлагался тест на изобретательность в прохождении сложного, запутанного, полного непредсказуемых опасностей лабиринта.

В условиях виртуального полигона эти обстоятельства не напрягали, они лишь вносили элемент случайности в выполнение одной и той же задачи: добраться до главного компьютера, ведающего распределением ресурсов, и, пользуясь вызубренными командными последовательностями, вручную запрограммировать его на год отняв у ксенобиан, и передав людям свет, тепло и воздух.

Постышев понятия не имел, кто именно установил такие правила, и вообще, зачем при сотворении мира был создан смежный сектор?

Зато он начал понимать другое: Ван Хеллен очень мягко обошелся с ними во время памятного знакомства в скафандровом отсеке.

Они считали себя опытными бойцами, подготовленными к любым неожиданностям, даже пытались бравадить этим, но на самом деле...

...Бесшумно срываясь с потолка, вниз падали крупные хлопья кислородного инея.

Длинный тоннелеобразный коридор с осязательной, позволяющей стоять на ногах гравитацией, слегка вибрировал. Сквозь толстый слой покрывающей стены наледи четко просматривалась кривая, вытравленная кровью надпись: *смерть чужим.*

Рядом скорчилось превратившееся в глыбу льда мертвое человеческое тело.

Виртуалка...

Она предлагала им десять-пятнадцать лишенных воздуха отсеков, клочок черного ксенобианского леса, да скверно детализированный, похожий на уступчатую коробку компьютерный центр.

Бег, пальба, ввод командных последовательностей...

Все это блекло перед реальностью. Какой десяток разгерметизированных отсеков? Уже почти сутки Ван Хеллен вел их по изуродованным помещениям, хранившим следы аварий, боев, разрушений...

Смерть чужим... – Антон не мог оторвать глаз от заключенной под коркой льда надписи, чувствуя, что и остальные в немом потрясении смотрят в ту же сторону.

Что же ожидало их дальше?

Десятки, сотни вопросов зарождались в эти минуты в рассудках молодых ребят, не познавших за короткий отрезок жизни ничего кроме однообразных тренировок на скверно воссозданных полигонах, да однобокой *информированности* о существующем положении вещей.

Они общались лишь со своими инструкторами, да изредка к ним заглядывал Николай Сергеевич Астафьев. Он все больше наблюдал, стараясь не вступать в общение, но именно от него Антон, как и все остальные, узнал значение слова «репликант».

...

Это случилось неожиданно. Виртуальная тренировка была прервана, и весь состав боевых групп – пятьдесят человек собрали в гимнастическом зале.

Астафьев, прихрамывая, прошелся вдоль строя.

– Вы новое поколение. – Внезапно без вступлений начал говорить он, остановившись напротив группы Лозина. – Я знаю, инструктора иногда называют вас репликантами, зачастую вкладывая в это слово презрительный смысл. Они не правы. Вы люди. – Он обвел строй долгим взглядом, и вдруг, без видимой причины переключился на другую тему:

– Мы говорим «Мир», подразумевая окружающие нас стены, но на самом деле это неверный термин. «Мир» или по-другому – «планета», давно утрачен, а эти переборки, – лишь конструкция, созданная руками наших предков. Они отправились в далекое путешествие через пустоту, чтобы достичь иных, пригодных для жизни планет. Предстоящий путь предполагал множество непредвиденных, по большинству смертельных опасностей, к тому же он был долог, дольше, чем жизнь... – Николай вновь, прихрамывая, прошелся вдоль строя. – Поэтому предки – продолжил он – создали специальные машины, которые хранили запись генетического кода каждого отправившегося в далекое путешествие человека. Если он погибал или становился стариком, репликационная камера создавала его физическую копию, – молодую полную сил, и человек, пройдя процесс репликации, получал возможность жить снова.

– Тогда почему никто из нас не помнит, кем был? – Раздался из строя неожиданный вопрос.

– Всему виной чужие. – Не колеблясь, ответил Астафьев. – Я считаю, что легенды о Внешней Атаке связаны с их нападением на наш мир. Это не домысел, я нашел документальные отчеты о вторжении ксенобиан на планету, где жили наши предки. Вероятно, это и заставило людей покинуть легендарную Землю. По найденным документальным материалам нетрудно предположить, что чужие нагнали корабль и атаковали его, но, получив отпор, сумели захватить лишь часть территорий. Во время Внешней Атаки пострадал не только корпус корабля, было уничтожено или повреждено уникальное оборудование, где хранились записи личностей всех членов экипажа, стартовавших с Земли. Возможно, победив ксенобиан, раздавив их логово, расположенное за смежным сектором, мы найдем эти записи. А пока прошу запомнить – вы люди. Мир принадлежит нам, и предстоящая схватка за ресурсы – лишь начало борьбы...

...

– Вперед!

Короткая остановка перед запертым люком закончилась. Ван Хеллену удалось замкнуть нужную цепь питания, и овальная плита, перегораживающая проход, начала рывками сдвигаться в сторону.

Антон не знал, сколько еще предстоит идти. Он старался сохранить физические силы и душевное равновесие для грядущих испытаний, но получалось плохо: в некоторые моменты от неизвестности начинало сосать под ложечкой, хотелось разговаривать, громко, непринужденно, чтобы заглушить возбуждение и страх, но старые скафандры, залатанные во многих

местах специальных герметизирующим составом, находились в ужасном техническом состоянии, – передатчик работал только у командира группы, остальные члены отряда могли лишь принимать его приказы, общаться же друг с другом приходилось жестами, а во время коротких привалов, когда Ван Хеллен, посмотрев на анализатор атмосферы,шитый в запястье экипировки, разрешил открыть лицевые забрала шлемов, на разговоры уже не оставалось сил, – трое молодых парней буквально валились с ног от усталости, и только вечно угрюмый Доминик казался двужильным.

Вот и сейчас он первым шагнул в открывшийся проем, на некоторое время исчез из поля зрения, затем появился вновь и негромко произнес:

– Внимательно смотрите по сторонам. Мы вышли в сектор гидропоники. Здесь уже встречаются патрули чужих.

Все. Сказал, как отрезал. А какую бурю эмоций породили скупые фразы в душах следовавших за ним молодых, еще не закаленных невзгодами ребят...

Антон уже успел понять чудовищную разницу между симуляторами, на которых они тренировались, и той реальностью, что распростерлась вокруг.

Убивать компьютерных монстров легко, там нужна лишь реакция. В мире фантомных образов нет страха, ну может быть чуть-чуть, когда впервые надеваешь виртуальный шлем. Теперь ему стало понятно, почему Доминик Ван Хеллен, заглядывая в тренировочный зал, смотрел на будущих бойцов, азартно гоняющихся за призраками ксенобиан, с таким мрачным молчаливым неодобрением.

Теперь Антон полностью разделял его скептицизм.

Он перешагнул порог открытого люка, и невольно остановился, пораженный открывшейся взгляду картиной. Вроде бы в ней не было ничего нового, – модель сектора гидропоники присутствовала в программе тренировок... но какая оглушительная разница между двумя реальностями открывалась при взгляде по сторонам...

Своды огромного зала терялись в туманном сумраке.

Это, по преданиям предков, можно назвать словом «небо» – вверху плавали слоистые полосы тумана, вниз срывался мелкий морозящий дождь, разбитые баки, где в далеком прошлом жили специальные водоросли, вырабатывающие кислород, теперь выглядели как треснутая скорлупа исполинских яиц, откуда уже вылупились птенцы, – узоры трещин бежали замысловатым орнаментом по толстому, заляпанному грязью стеклопластику, многочисленные дыры щерились острыми иззубренными краями, пол вокруг покрывал толстый слой бурой почвы, на которой когда-то охотно прижились черные ксенобианские растения, образующие непроходимые окаменевшие заросли.

Жутко...

Доминик остановился, оглядываясь вокруг, затем жестом указал на узкую тропу, прорезанную лучом лазера в чаще окаменевших ксенобианских джунглей, и в коммуникаторах раздался его хрипловатый голос:

– Двигаемся след в след. Антон, ты замыкающий. Почаще смотри наверх, эти твари умеют лазить по макушкам мертвых растений.

Минут пять они шли по тропе, напоминавшей узкую расселину. Срезанные лучом лазера черные побеги хрустели под подошвами, сверху продолжал накрапывать морозящий дождь, внешние микрофоны скафандра передавали странные звуки, доносящиеся издали: создавалось впечатление, что сектор живет своей собственной жизнью, – эти невнятные, глухие проявления, похожие на стонущие вздохи, заставляя пальцы крепче сжимать оружие.

Пять минут показались Антону вечностью.

Когда они вышли на ассиметричную поляну, в центре которой чернели свежие воронки, он ощущал себя так, словно пробежал с десятков километров на тренажере гимнастического зала.

* * *

Поляна среди мертвого леса сразу приковала к себе внимание всех членов группы.

Очевидные следы боя виднелись повсюду: на земле тускло поблескивали пустые магазины от ИПК, три неглубоких воронки, с опаленными краями уже заполнились темной стоячей водой, но все равно выглядели свежими, поверх хрусткого ковра сбитых автоматными очередями мелких ветвей, были разбросаны уродливые куски хитина, над которыми уже успели поработать неведомые обитатели смежного сектора, питающиеся падалью.

Ван Хеллен остановился, медленно обводя заледеневшим взглядом обозримое пространство, потом медленно опустился на колени, рассматривая следы, отчетливо пропечатавшиеся во влажной почве.

Он искал пятна крови, но не находил их.

– Осмотреть поляну! – Не вставая с колен, приказал он. – Внимательно смотрите под ноги, Лозин сосчитай количество пустых магазинов.

На полный осмотр ушло около четверти часа.

Здесь все кричало о жесточайшей схватке: кроме хитиновых покровов ксенобианских бойцов, в истоптанной грязи то и дело попадались фрагменты принадлежащей людям экипировки. В основном это были детали кевларовой брони, несколько шлемов, два ИПК, с разбитыми прикладами.

Доминик остановился напротив узловатого, черного древесного ствола.

Попытка сосчитать сколько игл, выпущенных из бионических автоматов, вонзилось в окслизлую от влажности кору, не увенчалась успехом, – он дважды сбивался со счета, прежде чем бросил это занятие.

Первый шок от увиденного сменило недоумение.

Обилие хитиновых фрагментов немо свидетельствовало, что тут полегло не менее полусотни ксеноморфов, это подтверждало и количество опустошенных магазинов, – схватка, судя по всему, была жесточайшей, люди и чужие в конечном итоге сошлись в рукопашной, – Курт отыскал два десантных ножа, да и разбитые в пластиковую щепу автоматные приклады, свидетельствовали о том же.

Недели две прошло... – мысленно прикинул Ван Хеллен, глядя на обглоданный хитин.

– Командир, тут только останки ксеноморфов. наших нет.

– Я вижу. – Мрачно отозвался Доминик. Он уже не сомневался – они наткнулись на поляну, где принял бой не успевший разделиться на мобильные группы отряд Сереги Лукорьева.

Почему вокруг только хитин? – Мучительно пытался понять Ван Хеллен. Он видел следы жестокого, неравного боя, который не мог пройти без потерь.

Допустим. Допустим, наши напорлись на засаду, но сумели уничтожить ксеноморфов. Тела погибших унесли с собой. Но почему они не вернулись? Попали под плотное преследование? Вынужденно отошли вглубь смежного сектора?

Немые останки не могли дать ответа, и он обратился к следам.

Поляна, на которой произошло столкновение, превратилась в истоптанную проплешину, слой почвы – в черную липкую грязь, но дальше следы обрывались: стоило выйти на тропу, ведущую через ксенобианские заросли, как под ногами вновь начинался хрусткий ковер мелких веток, не сохранивший зримых отпечатков.

Дважды осмотрев место столкновения Доминик не смог придти к однозначному выводу.

Отряд не вернулся. – Стучало в висках. Оставалась лишь надеяться, что он прав: Лукорьев вынужденно отступил вглубь сектора, где похоронил тела павших и сейчас с остатком своих людей отрывается от преследования, оттягивая на себя значительные силы ксенобиан.

– Двигаемся дальше. – Приказал Ван Хеллен, понимая, что третий раз осматривать поляну бессмысленно, а задерживаться тут опасно.

* * *

Только через два часа на их пути попала следующая прогалина.

Опять небольшая воронка с темной стоячей водой, но на этот раз никаких следов вокруг.

– Здесь сделаем привал. – Произнес Ван Хеллен, внимательно осмотревшись. – Можно открыть гермошлемы. К воде не прикасаться.

Антон взглянул на макушки изгибающихся узловатых растений, покрытых черной глянцевицей корой, и, не заметив ничего подозрительного, спросил, усаживаясь на покоробленный давним взрывом вздувшийся из-под наслоений почвы пластик:

– Что это за стоны?

Доминик криво усмехнулся, поднимая забрало гермошлема. Сделав глубокий вдох, он едва заметно нахмурился.

– Пахнет нечистью. Часа два назад здесь проходили ксенобиане. – Он оглянулся, отыскав взглядом Антона и добавил:

– Тут много странных звуков. Со временем кто-то из вас научится различать их. – В словах командира прозвучала скрытая горечь, – он понимал, что пройдут сутки и, может быть, никто из троих сопровождавших его юношей уже не услышит ни звука, но, тем не менее, нашел в себе силы совладать с эмоциями и продолжил, спокойным, наставительным тоном:

– На вздохи не обращайте внимания. Это система вентиляции. Другое дело – хруст ветки, – хотя бойцовские особи ксенобиан и умеют бесшумно лазить по своим деревьям, порой их можно услышать, – окаменевшие заросли не такие прочные, как кажутся на первый взгляд. Главное не расслабляться. Отдыхать будем дома, когда вернемся.

Курт, осматривавший поляну, спросил, указывая на заполненную водой воронку:

– Здесь то же был бой, командир?

Ван Хеллен присел на корточки. Темная стоячая вода поймала его отражение.

– Два года назад тут погиб Дик Риган. Слышали о нем?

Зигель отрицательно покачал головой, невольно оглядываясь вокруг.

Доминик поморщился.

– Вот она – цена человеческой памяти. – Словно разговаривая сам с собой, произнес он. – Риган был одним из лучших разведчиков-одиночек. Он ходил в смежный сектор каждый месяц, чтобы составить планы передвижения для формирующихся штурмовых групп.

– Его подстерегли ксенобиане? – Спросил Постышев, нервно постукивая пальцами по короткому пластиковому прикладу ИПК.

– Нет. Он не заметил растяжку, установленную на тропе.

– А кто прожег тропу?

– Одна из штурмовых групп. Это старый проверенный путь, но чужие знают его так же хорошо, как и наши разведчики. Периодически они минируют известные тропы, особенно накануне наступления нового года. Поэтому чаще поглядывайте под ноги.

– Откуда у них взрывчатка? – Недоверчиво хмыкнул Лозин.

– А откуда у нас лазеры и бионические автоматы? – Вопросом на вопрос ответил Доминик, выразительно похлопав по продолговатому чехлу, укрепленному на поясе его скафандра. – Трофеи. – Пояснил после небольшой паузы. Тут в смежном секторе полно складов. Да и места давних боев попадают часто.

Смежный сектор. Это словосочетание каталось в мыслях, словно острый камушек. Антон ощущал, что в нем скрыт тайный, не понятый смысл, и потому спросил, пользуясь тем *равен-*

ством, которое возникло между молчаливым командиром и его подопечными, как только отряд покинул границы заселенных людьми территорий:

– Доминик, а ты знаешь, как возник смежный сектор?

Ван Хеллен пожал плечами.

– Этого, пожалуй, не скажет тебе никто. Он просто существует, как весь остальной Мир. Его схемы есть в компьютерных базах данных. Только им уже нельзя доверять, как и мифам о Земле. – Внезапно заявил он.

Слова командира звучали в разрез с давними утверждениями Астафьева.

Курт заметил это еще во время первого знакомства с Ван Хелленом, когда тот говорил о ненависти к ксенобианам.

Такая терпимость к чужим выглядела не просто подозрительно, она вызывала внутренний протест, и Зигель не удержался:

– Нам говорили совсем другое!

– Знаю. – Сделав вид, что не заметил повышенного тона, ответил Ван Хеллен.

– Ксенобиане захватчики! Они вторглись в наш мир во время Внешней Атаки! Земля не миф! – Скороговоркой выпалил Зигель, внутренне сжавшись от собственной дерзости.

– Ты все сказал? – Хмуро осведомился Доминик.

– Все!

– Тогда посмотри вокруг.

Зигель даже не повернул головы.

Ван Хеллен встал и вдруг резко приподнял его за ворот, едва не ударив лицом о черный узловатый ствол.

– Вторглись, говоришь? – С нотками ярости переспросил он. – Что это?!...

– Дерево... Растительная форма чужих...

– Оно живое? Этот лес живой?

– Нет...

Доминик резко отпустил Зигеля и тот, потеряв равновесие, повалился на землю.

– Запомните, все живое в смежном секторе погибло в момент декомпрессии, во время Внешней Атаки. – Взяв себя в руки, произнес Ван Хеллен. – А теперь включите свои мозги, и подумайте, – если чужие вторглись сюда, взломав внешние стены мира, *как до их пришествия тут мог вырасти этот лес?*

После его слов на небольшой поляне воцарилась гнетущая тишина.

– Выходит нас обманывали? – Наконец спросил Андрей Лозин.

– Я не собираюсь обсуждать эту тему. – Отрезал Доминик. – У вас есть глаза – смотрите. Нельзя судить о событиях по тем крохам информации, что сохранились в памяти машин. – Он зло покачал головой в ответ своим мыслям, и тихо добавил, скорее разговаривая с самим собой:

– Ты слишком доверился компьютерам, Ник...

Постышев наклонился к уху Андрея и тихо спросил:

– Как ты думаешь, это он про Николая Сергеевича?

– Не знаю. – Пожал плечами Лозин. – Командир, но нам говорили, что смежный сектор дважды подвергался декомпрессии. После Внешней Атаки было сражение между людьми и чужими. Я слышал, что тогда тоже пострадали стены Мира.

– Ты хочешь спросить, не мог ли этот лес вырасти за время прошедшее между Внешней Атакой и Битвой Машин?

– Да.

– Справедливый вопрос. – Ван Хеллен встал, расцехлил лазер и, коснувшись сенсора, резанул лучом по основанию ближайшего к нему окаменевшего дерева.

Раздалось шипение, затем раздался протяжный треск ломаемых сучьев, и толстый ствол рухнул в воронку, подняв фонтан брызг.

Резкий шум заставил всех вздрогнуть. Где-то рядом вполне могли находиться ксенобиане, понимал это и Ван Хеллен, но в данный момент для него было гораздо важнее поставить все точки над I...

Доминик убрал лазер, присел на корточки подле поваленного исполина и указал на ровный дымящийся срез:

– В свое время я задавал себе те же самые вопросы. Смотрите. Видите кольца на торце ствола?

Дождавшись утвердительных кивков, он продолжил:

– Сосчитайте их.

– Восемь. – Спустя некоторое время произнес Зигель.

– Каждое кольцо – это один год жизни дерева. – Пояснил Ван Хеллен. – Оно росло тут восемь лет, прежде чем погибло, а с момента Внешней Атаки прошло шестнадцать лет. Битва машин происходила пятнадцать лет назад. Я знаю это, потому что родился за два года до первой декомпрессии.

* * *

Они провели на поляне подле воронки гораздо больше времени, чем полагал Ван Хеллен.

Напряжение, возникшее между командиром и бойцами его группы еще во время первого очного знакомства в скафандровом отсеке, постепенно усиливалось на протяжении изматывающего перехода через зону тотальных разрушений и, наконец, выплеснулось тут, на окраине смежного сектора.

Это не являлось бунтом, – реальность, час за часом открывавшаяся взорам молодых ребят, входила в жесткое противоречие с однобоко преподанной информацией, которую в буквальном смысле «вдалбливали» им в головы, нисколько не считаясь с тем, что поколение репликантов по своей общей эрудиции на порядок превосходило инструкторов школы выживания.

Даже Николай Астафьев не знал, какого рода информацию закачивают в их разум разбуженные кибернетические системы.

Два года они выросли, не покидая камер роста, но знания, полученные от автоматических систем обучения, быстро потускнели, отошли на второй план, стоило им покинуть медицинские модули.

Их окончательное мировоззрение формировала данность: тесные отсеки, минимальные удобства, тяжелый быт и постоянные изматывающие тренировки не оставляли времени и сил для самоанализа, – Астафьев поставил перед собой цель: сформировать боевые группы, для победы в грядущей схватке. Он действительно не дал им ни любви, ни надежды, подменив чувства суррогатом из ненависти к ксенобианам и иллюзией собственного превосходства над ксеноморфами.

Все это оказалось хрупкой непрочной коростой, которая начала ломаться, по мере того, как они двигались по зоне тотальных разрушений, впитывая взглядами и рассудком множество новых впечатлений.

Андрей Лозин сидел, низко опустив голову.

Смерть чужим.

Кем был тот человек, что, умирая, кровью вывел надпись на заиндевелевшей стене отсека?...

...Ван Хеллен первым нарушил тягостную тишину:

– Накануне вашего рождения мы проиграли борьбу за ресурс Мира. В отсеках воцарился холод и мрак. Люди гибли, а чужие не удовлетворились локальной победой, – они постоянно

атаковали, стремясь покончить с нами раз и навсегда. Тогда их удалось остановить, заблокировав наш сектор аварийными переборками.

– Значит, в последние годы все ресурсы принадлежали им? – Интуитивно предположил Постышев.

– Да. – Неохотно ответил Ван Хеллен. – Мы жили за счет автономной системы. Теперь все возвращается на круги своя.

– Только мы в гораздо худшем положении, чем раньше? – С неожиданной пронизательностью уточнил Лозин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.